

Владимир
Марков-Бабкин

ИМПЕРАТОР ДВУХ ИМПЕРИЙ

Владимир Марков-Бабкин
Император двух Империй
Серия «Мир Нового Михаила»
Серия «Новый Михаил», книга 6
Серия «Попаданец (АСТ)»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66669332
Император двух Империй: АСТ; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-145218-6

Аннотация

Завоевание Проливов и Царьграда. Вековая мечта. Пожалуй, ещё со времен вещего Олега, который прибил свой щит к воротам города, такая мечта произрастала в головах великих людей. И Великая война, именуемая сейчас Первой мировой. Её бои входят в решающую фазу. На кону блестящая Победа или падение Империи в хаос революции и Гражданской войны. Михаил Романов, попаданец в тело великого князя Михаила Романова, получил шанс изменить ход нашей истории. Император Михаил II начинает свою битву за Проливы и за лучшее будущее для всех подданных Российской империи.

Содержание

Часть первая	5
Глава I	5
Глава II	33
Глава III	75
Глава IV	115
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Владимир Марков-Бабкин

Император двух Империй

© Владимир Марков-Бабкин, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Посвящается моей семье

Спасибо Виталию Сергееву за помощь

Часть первая

Царьград

Глава I

Вечер перед рассветом

Османская империя. Босфор. Бухта Стения.

Крейсер «Yavus Sultan Selim».

18 августа 1917 года

Стрекоза неподвижно сидела на перилах мостика. Возможно, она была единственным существом на корабле, которое сохраняло спокойствие, потому как даже крысы в трюме явно засобирались на берег, спеша покинуть обреченный крейсер.

– Что скажешь, Рихард?

– Георг, вопрос твой сугубо риторический, и ты это знаешь. Измена болгар фактически похоронила Османскую империю, и нас вместе с ней заодно. Угля нет и не предвидится. Наши крейсеры в настоящее время это лишь неподвижная артиллерийская позиция, ничем не отличающаяся от береговых батарей. Дней через пять мы получим финальное сражение у стенки. А может, и меньше у нас времени осталось. Можно было бы надеяться на то, что нашему славному ад-

миралу удастся где-то раздобыть угля, но верится в это весьма слабо.

– Согласен. Тем более что без угля стоит весь флот и даже железные дороги. Да и фронт против русско-болгарских войск выглядит весьма безнадежным.

– Весьма? Да ты, право, оптимист! Соотношение сил один к шести, притом что «один» – это турецкие силы, прости меня господа за такое громкое слово! Нет уж, уволь, в сказки я не верю. Русские их били всегда. И они это знают.

– Русские или османы?

– И те, и другие. В этом и проблема. В этом-то и проблема, Георг. После измены Болгарии турки, которые до этого ну хоть как-то были готовы сражаться, вдруг и решительно утратили всякую волю и даже интерес к победе.

– Увы, да. Мои офицеры сегодня вернулись из увольнительных в Константинополь. Город охвачен паникой. Уже многие уезжают. Пожары стали обычным явлением. Никому и дела нет. А русские еще и все время разбрасывают с аэропланов листовки, мол, готовьтесь, за резню армян и прочих пришло время отвечать. В общем, молитесь или бегите. И в каждый прилет с гидроплана сбрасывается одна-единственная бомба на город. Ну, вроде визитной карточки, подтверждающей серьезность сказанного. Так что представь, что там сейчас творится на улицах и в головах. Слухи ходят самые дикие, а количество погибших от этих бомбардировок уже исчисляется якобы тысячами.

– Да уж, могу себе представить. Есть, по-твоему, надежда, что хотя бы в верхах у них еще не все поддались панике?

– Ты-то сам веришь в это?

– Нет, не верю, Георг. Не верю. После идиотского решения Энвер-паши в это верится с большим трудом.

– Увы, друг мой Рихард. Увы.

Помолчали, глядя на акваторию в ожидании адмиральского катера.

Исход большой битвы был совершенно ясен всем, включая те самые «верхи» Османской империи. Одна-единственная армия турецких солдат ничего не сделает против трех болгарских и трех русских армий, одна из которых конная. И если добавить сюда могучий Черноморский флот, вышедший в открытое море и изготовившийся для удара, то...

Капитан цур зее Рихард Аккерман с отвращением смотрел на суету, творящуюся на берегу на протяжении всего доступного глазу пространства вокруг бухты. Даже здесь, в Стении, паника нарастала, и все чаще взгляду попадались люди с какими-то повозками, доверху набитыми каким-то скарбом. Что уж говорить про Константинополь...

Собственно, первые признаки исхода в столице начались еще неделю назад, когда стало понятно, что русские и болгары вдруг договорились и теперь возьмутся за османов всерьез. А в то, что 1-й турецкой армии удастся удержать линию фронта протяженностью в двести с лишним километров по линии реки Марица, не верил никто. Идея же Энвер-па-

ши двинуть им на помощь половину 5-й армии лишь ухудшила ситуацию, поскольку половина этой армии сейчас находилась на марше, а оставшиеся две дивизии тонким слоем размазывались по обоим берегам от Босфора до Дарданелл, и это при том, что надо было защищать еще и сам Константинополь, а также прикрывать форты на всем протяжении Проливов и побережий обоих морей.

Собственно, на мощь орудий фортов и надеялся Энвер-паша, рассчитывая, что их артиллерия сможет удерживать русский флот на расстоянии и воспрепятствует высадке мощного десанта. Но даже если и так, то русские с болгарами могут обойтись и без высадки, просто взяв город наземным штурмом, разгромив 1-ю армию в приграничном сражении, а 5-ю просто перехватив на марше.

Ожидать же подхода подкреплений с других фронтов не приходится из-за фактической остановки всякого железнодорожного сообщения ввиду отсутствия угля, да и снять откуда-то войска означало новое большое отступление, поскольку фронты и так держались из последних сил, постоянно теряя все новые и новые территории на востоке, в Месопотамии, в Палестине.

Нет, чуда не произойдет. Будь на месте турок германская армия, еще можно было на что-то надеяться, но османские солдаты... Даже само слово «солдат» вряд ли подходит в данном случае. Сейчас это толпа перепуганных баранов, мечтающая сбежать с поля боя, но трусливо боящаяся сделать да-

же это.

А наступают на них закаленные в боях ветераны, почувствовавшие вкус победы и желающие поквитаться за все! Конечно, Османскую империю в этом году били на всех фронтах, но наибольших успехов добились именно русские, сумевшие силами Кавказского фронта не только оттяпать всю Западную Армению, но и продвинуться значительно дальше и на запад, и особенно на юг, где новое русское красное знамя развевается уже над Мосулом и Киркуком. И теперь, похоже, пришла очередь Константинополя.

И надеяться туркам не на кого. Уже не последует грозного окрика из Лондона или Парижа, нет там ни возможности, ни сил на окрики в адрес Михаила Второго. А военные союзники в Берлине и Вене слишком далеко, да и дела у союзников далеко не блестящи. И если Германия еще держится, раскинув свои фронты от центра Парижа и до самой Риги, то вот Австро-Венгрии приходится отступать на всех фронтах. Сначала в Галиции, а теперь и на Балканах, где внезапный переход Болгарии на сторону Антанты просто обрушил всю конфигурацию обороны фронтов. Уже оставлены Бухарест, Плоешти, потеряны треть Сербии и две трети Албании, и даже итальянцы опрокинули 2-ю австро-венгерскую армию и легко заняли Истрию и Триест. Лишь Пола держится, прикрываемая батареями флота Австро-Венгрии. Но это явно ненадолго, и военно-морская база падет в ближайшие дни.

Рокочущий звук в небе ненадолго отвлек командира крей-

сера «Гебен» от мрачных дум и заставил кинуть взгляд в небо. Опять русский гидроплан с этой их новой красной Звездой Богородицы на плоскостях. Вероятно, вновь листовки разбрасывал над столицей, сбросив на прощание бомбу, сея новую волну паники в городе и окрестностях. Это уже третий аэроплан за день пролетел в поле его зрения, возвращаясь из Константинополя.

Чувствуют свою безнаказанность, ведь противозаэроплан-ных пушек в Константинополе толком и нет, авиации тоже, а с кораблей много не настреляешь, да и не приближаются аэропланы настолько уж близко к хорошо защищенной немецкими орудиями Стении, чтобы имело смысл пробовать попасть в подвижную маленькую цель высоко в небе.

В Константинополе, кстати, открывали пару раз огонь, чтобы хоть что-то сделать. Но в итоге сделали только хуже: в гидроплан не попали, но спровоцировали вспышку дикой паники в столице, поскольку обыватели, очевидно, решили, что штурм города уже начался. Говорят, что несколько человек даже затоптали насмерть.

– Думаю, что уже скоро.

– Что, Георг?

– Я говорю, что скоро уже. Слишком часто стали русские летать. Такое ощущение, что уточняют нашу позицию в Стении каждые два-три часа, специально прокладывая маршрут из Константинополя так, чтобы пролететь в виду бухты.

– Думаешь? Смысл какой? Бить линкорами со сторо-

ны Черного моря? Далеко слишком, разлет большой. Даже для новейших русских линкоров это предельная дистанция. Возможно, один из ста снарядов накроет этот район, а все остальные попадут в молоко. К тому же побережье прикрыто береговыми батареями, и ты об этом прекрасно знаешь. Долго вести огонь у русских не получится, без риска получить серьезный ущерб для своих кораблей.

— Это в теории так, но батареи ведь эти османские.

— Согласен. Это самое тревожное обстоятельство в этом вопросе.

Аэроплан улетал в вечернее небо, унося с собой приятные впечатления и новые разведывательные сведения для своего командования. Наверняка утром прилетят еще. У русских одних только авиаматов шесть штук в составе Черноморского флота, да гидропланов на них десятка четыре. Чего ж тут не летать?

А «Гебен» и «Бреслау» стоят тут у причальной стенки и не имеют даже угля для выхода в море. Лишь неприкосновенный запас позволяет поддерживать давление в системах корабля и обеспечивать возможность тушения пожаров на борту.

После того как русские полностью отрезали поставки угля из портов Зонгулдак, Козлу, Эрегли и Килимли, весь османский флот и оба его германских корабля оказались прикованными к месту, не имея возможности проводить операции. В этом году «Гебен» ни разу так и не поднял якорь. И

перспектив, что уголь найдется, не было никаких. Выгребли все что только возможно и где только возможно. Пришлось даже вооружение отряды посылать.

Тщетно. Все тщетно!

Полная безнадежность!

Да, удача отвернулась от Центральных держав. А сколько было радости и оптимизма, когда пришло известие о том, что в России сменился царь! Впрочем, поначалу была даже надежда, что монархия вообще не удержится и обширного восточного врага поглотит пучина революции, но и даже смена Николая Второго на Михаила Второго устроила многих в Берлине. Что может быть лучше, чем слабый, легко поддающийся чужому влиянию недалекий правитель, который стоит во главе воюющей державы?

Причем первые шаги нового русского царя лишь усилили оптимизм. Провозглашение им той совершеннейшей по идиотизму инициативы «Сто дней для мира», как казалось, забивало гвоздь в крышку гроба Антанты. Еще бы! Германия, воспользовавшись русской промашкой, смогла тут же перебросить массу высвободившихся войск на Западный фронт и почти опрокинуть Францию, которая к тому же погрузилась в свою собственную революцию. Да и Британия оказалась слишком занята в Ирландии и Индии, чтобы всерьез помочь французам.

Ну, и что теперь? Какой Германии сейчас толк от волнений в Индии и от фактически уже независимой Ирландии?

Какой толк от того, что рухнула Эйфелева башня и сгорел Нотр-Дам, а сам Париж превращен в груды битого кирпича? Сил на решительную победу нет. Надежды на то, что Франция запросит мира, не оправдались. Франция при поддержке русских, итальянских, британских, португальских и испанских войск устояла, а генерал Петен, взяв крепость Ла-Рошель, поставил точку в очередной французской революции.

Пожалуй, потопление германской подлодкой лайнера «Левиафан» с дивизией американского экспедиционного корпуса, вероятно, было последней удачей Германии и ее союзников. Да, американцы потеряли за раз целую дивизию и пока не смогли отправить через Атлантику ни одной новой. Да, войск США в Европе так и нет. Но что такое одна дивизия, если военные грузы и техника бесконечным потоком идут в порты Франции, Британии, Испании, Италии и России? И это уж не говоря о щедрых кредитах, которые предоставляет Вашингтон своим союзникам.

Окончательно Рихарду Аккерману все стало ясно, когда пришло известие о перевороте в Болгарии и о переходе этой страны в стан противников. Это если и не ставило точку в войне, то самым решительным образом ухудшало общее положение, а участь Османской империи после этого была предрешена...

– Адмирал на мостике!

Стрекоза порхнула крыльями и улетела, а капитаны крейсеров повернулись, приветствуя своего адмирала.

После того как все формальности и доклады были окончены, Вильгельм Сушон распорядился:

– Рихард, Георг, через четверть часа я жду вас обоих в своей каюте.

От Российского Информбюро.

Сводка за 5 (18) августа 1917 года

За истекшие сутки наши доблестные воины продолжали наступать силами Юго-Западного, Румынского, Балканского, Южного и Кавказского фронтов.

Так, войска 8-го корпуса под командованием генерал-лейтенанта Деникина в результате блестяще проведенной операции освободили от австро-венгерских захватчиков румынский город Плоешти. Король Румынии Фердинанд I за вклад корпуса в освобождение Бухареста и за героизм при освобождении города Плоешти пожаловал генералу Деникину орден Михая Храброго II степени.

На Кавказском фронте войска под командованием генерала империи Юденича взяли штурмом города Огнот и Муш.

Балканский фронт одержал очередную громкую победу, взяв под свой контроль важнейший пункт региона – город Скопье.

Итальянские войска продолжают штурм Полю – главной военно-морской базы Австро-Венгрии.

Южный фронт генерала империи Брусилова сжимает тиски на горле Османской империи. Наши войска совместно с нашими болгарскими союзниками уверены: битва за Проливы начнется в ближайшие дни.

Крым. Дворец «Меллас».

Императорский командный пункт.

5 (18) августа 1917 года

– Хорошо, Василий Васильевич. Еще раз пробежим по списку. «Восточный купец»?

– Генерал Слащев подтвердил готовность к началу операции, государь. Отряды сил специальных операций вышли на исходные позиции и ждут сигнала с гидроплана. Агентура в Константинополе продолжает подрывную работу.

– «Штиль»?

– Генерал Кованько подтверждает. Первая Особая воздушная дивизия готова выполнить приказ.

– «Точка»?

– Генерал Шидловский подтверждает. Первая Особая императорской фамилии дальнебомбардировочная дивизия ждет сигнала.

– «Новый год»?

– Генерал Каледин подтверждает. Первая Конная армия выдвинута на участок прорыва.

– Флот?

– Адмирал Колчак подтверждает. Корабли Черноморского флота вышли в указанные планом операции районы. Черноморские и балтийские сводные отряды морской пехоты готовы к десантированию. Отдельная Черноморская морская дивизия генерала Свечина находится в суточной готовности к десанту. Авиаматки Черноморского флота имеют полный комплект исправных гидропланов.

– Брусилов?

– Подтверждает готовность всех союзных армий Южного фронта к началу наступления.

– Ставка?

– Главковерх действующей армии генерал Гурко сообщает о полной готовности к проведению операции. Таким образом, ваше императорское величество, от всех исполнителей операции «Возмездие» получено подтверждение. Каждый элемент этой операции проработан и согласован. Часы сверены. Метеорологи дают благоприятный прогноз на ближайшие два дня.

– Есть свежие сведения об обстановке в городе?

– Город близок к панике, государь. Люди генерала Слащева хорошо сделали свою работу, а прилеты одиночных гидропланов с листовками рождают буквально волны ужаса. Хочу заметить, что идея генерала Слащева о сбросе вместе с листовками по одной бомбе за визит дала просто поразительный психологический эффект. Одни с напряжением смотрят

в небо, другие в панике разбегаются, едва заслышав звук мотора в небе.

– Турки больше не пытаются сбить гидроплан?

– Нет, государь. Прошлый раз это вызвало в городе колоссальную панику, и несколько человек даже затоптали в толпе. Так что теперь аэропланы летают без помех.

– Хорошо. Что сообщает Кутепов?

– Генерал Кутепов сообщает, что в обеих столицах гарнизон приведен в полную боеготовность и они готовы к любым неожиданностям, но пока, слава богу, все в порядке и никаких явных признаков внутренней смуты не наблюдается. Все явно затаились и ждут, чем все закончится. Это же подтверждает МВД, имперское СБ и Отдельный корпус жандармов. Министерство информации господина Суворина полностью контролирует ситуацию в прессе и готово к началу кампании.

– Что ж, тогда давайте добро на начало операции.

– Слушаюсь, ваше императорское величество!

Мой новый командующий императорской главной квартирой генерал Артемьев закрыл папку.

Операция началась. Компьютеров и спутниковой группировки у нас нет, так что как-нибудь закатим это солнце вручную. Хотя от ноутбука я бы сейчас не отказался.

***Османская империя. Босфор. Бухта Стения.
Крейсер «Yavus Sultan Selim».***

18 августа 1917 года

– Хороших новостей у меня нет, к сожалению. Константинополь охвачен ужасом и паникой, власть парализована так, словно русские уже стоят у ворот. Никто не хочет брать на себя ответственность ни за что. Я был в нашем посольстве. Герр фон Кюльман сообщил мне, что принято решение об эвакуации дипломатической миссии. В посольстве спешно жгут секретные документы. И, как вы поняли, господа, угля нет.

Командиры «Гибена» и «Бреслау» переглянулись. Что ж, все понятно. Мрачный адмирал Сушон продолжал:

– Получен приказ из Берлина. Принять бой в качестве артиллерийской батареи, препятствуя возможным действиям русского флота в акватории Босфора. При угрозе захвата Стении или Константинополя нам приказано вывести крейсера на центр фарватера в самом мелком месте и открыть кингстоны. При этом корабли приказано максимально повредить взрывом, чтобы избежать их подъема и возвращения в строй русскими. Экипажи будут ждать наш угольщик, который доставит людей в порт для посадки на нейтральный транспорт. Впрочем, дорога в Фатерлянд будет очень долгой, поскольку от Австро-Венгрии мы отрезаны – итальянский флот наглухо перекрыл вход в Адриатическое море.

Из сообщения Российского телеграфного агентства (РОСТА). 5 (18) августа 1917 года¹

Из Николаева вышел в море для проведения ходовых испытаний новейший российский линкор «Император Николай I», построенный по типовому проекту серии «Линкор «Императрица Мария»».

После вступления корабля в строй он станет третьим самым современным линейным кораблем, входящим в состав сил Черноморского флота России.

Напомним читателям, что в Севастополе успешно завершен подъем линкора «Императрица Мария», затонувшего вследствие германской диверсии. Возвращение в строй главного корабля серии намечено на 1918 год.

Письмо Надежды Константиновны Крупской сестре мужа – Марие Ильиничне Ульяновой

Милая Маняша!

Я собиралась сегодня настрочить длинное-предлинное письмо: Володя укатил в Париж, и без него стало как-то пусто. В мае моя базедка² обострилась

¹ Текст Виталия Сергеева.

² Имеется в виду Базедова болезнь («зоб»), которой с юности страдала Надежда Константиновна.

и обрекла меня здесь на скучную «холостую» жизнь. Приезд Клары³ и Анжелики⁴ лишь отчасти скрасил мои «больничные» будни.

Из Парижа от Володи была всего одна открытка, да и та шла две недели. На днях получила от Володи письма, одно шло четыре недели, другое – три. Ужасно долго письма идут. Володя советует мне признать испанским языком, пока учу с Анжеликой итальянский, я вряд ли последую его совету. Но после клиники девочки обещали мне найти испанца, по опыту знаю, так дело пойдет лучше. Я заразилась, видно, Володиной *idée fixe* – хочется одолеть языки во что бы то ни стало.

Володя выслал немного денег на лечение и житье. Теперь и на новую операцию хватит. Надеюсь, она поможет лучше первой. В первом письме вспоминал Володя про шушенский «семейный тулупчик», что он купил мне в Красноярске. Помню, как счастливы мы были в те дни, вместе ездили в нем к Куровскому⁵. Тогда еще Володя шутил, что места в нем еще на двоих хватит. Девочки молчат, но я чувствую, да и по 14-му году знаю, что не на нас двоих теперь тот тулупчик. Я Володе еще до войны в Париже предлагала от него уйти, но он, хоть и атеист, на все твердил что «наш брак венчанный». Может, наконец, эта революционная кутерьма поможет его счастью.

³ Клара Цеткин – немецкая социалистка, сопредседатель РКИ.

⁴ Анжелика Балабанова – русская и итальянская социалистка, член ИК РКИ.

⁵ Куровский – минусинский сахарозаводчик.

Вторым письмом Володя прислал свои «Уроки»⁶. Пожалуй, это пусть краткая, но сильнейшая его работа. Он гений и умеет увидеть и написать то, что ускользает от всеобщего понимания. Высылаю их тебе. По возможности тоже пошли товарищам. Хоть наш покой здесь и охраняют итальянцы, но в других кантонах беспокойно, и дойдут ли мои письма, не знаю.

Ну, прощай, крепко обнимаю,

Н. Ульянова

Крым. Дворец «Меллас».

Императорский командный пункт

5 (18) августа 1917 года

Отложив доклад генерала Брусилова о последних раскладах перед генеральным наступлением на Константинополь, я устало потер глаза.

Гонка, гонка. Бешеная гонка. Гонка изо всех сил.

Ничего нельзя отложить или замедлить. На нашей стороне время и на нашей стороне погода. Каждый день промедления мог в разы усложнить нашу главную задачу – взять Проливы. Потому и спешили. Да так спешили, что ногти ног срывали на бегу. Да и рук тоже.

Спешили. Пока не изменилась международная и внутренняя обстановка, пока войска на кураже и готовы идти вперед, а не затеют какую-нибудь свою очередную бузу. Пока наши «союзники» не очухались и не начали нам ставить палки в

⁶ Имеется в виду работа Владимира Ульянова «Уроки новой Коммуны».

колеса. Пока...

Да уж, свадебное путешествие. Привез, что называется, молодую жену в Крым. В путешествие.

В путешествие, Карл! Свадебное!

Сколько длится свадебный отпуск у императора и императрицы? Не знаю, как у кого, интернета у меня нет под рукой, чтобы посмотреть, а вот у нас все было отнюдь не так красиво, как иной раз можно прочитать в официальных мемуарах всякого рода царственных особ.

Всей романтики у нас было – сладкая ночь, день (с перерывом на совещание с монархами Италии, Болгарии, Греции, Румынии, Черногории да на планирование решающей битвы Великой войны), плюс еще одна вкусная ночь в том самом охотничьем домике, в котором с милым рай и в шалаше. Увы, так оно пока и есть. Пока рай остался именно в той ночи и именно в том домике-шалаше. Утром же суровая действительность вырвала нас из неги блаженства влюбленных молодоженов и отправила в грязные завшивленные окопы повседневности.

Я, так сказать, влюбленный Ромео, чуть ли не круглосуточно решал вопросы подготовки к генеральному наступлению и своему отъезду в Севастополь, пытаюсь при этом разрулить проблемы в собственном столичном тылу, которые в любой момент могли вылиться в прелестный государственный переворот. И это при том, что я Москву должен был покинуть на неопределенное время. Может, на месяц, а может,

и на два. И до тех пор, пока мои войска не одержат самую знатную победу в новейшей истории империи, я не мог быть уверенным в том, что меня не попытаются сбросить с того самого старого стула с высокой спинкой, увенчанной короной, которое стоит у стенки в Андреевском зале Кремля. И ясно, что желающие постараются законопатить меня еще до падения Константинополя, ибо после него моя популярность достигнет просто космических высот, и сбросить меня можно будет только прямым ядерным ударом.

Более того, я бы не исключал, что найдутся внутренние враги, готовые сорвать наступление или даже подвести наши войска под разгром, лишь бы свалить мою худощавую тушку с трона. Ситуация вокруг свержения Николая Второго не оставляла мне ни малейших иллюзий на сей счет. Тем более что перед свержением он тоже задумал взять Константинополь. Как и я. Поэтому следить нужно было за событиями весьма и весьма бдительно. И принимать всяческие превентивные меры.

Моя же бедная Маша сначала погрузилась в бесконечные репетиции празднования 770-летия Москвы и нашей с ней коронации. А это, скажу я вам, то дело, которое требует недюжинного здоровья и терпения. Не говоря уж о том, что ей приходилось разучивать просто-таки квадратные метры текста на русском языке, да так, чтобы не было слышно ни малейшего акцента. Хотите попробовать? Запомнить хотя бы двадцать-тридцать тысяч знаков текста, вот хотя бы на

венгерском языке? И чтоб без акцента! Ведь русский язык для Маши был ничуть не ближе. Кстати, меня также не обошли стороной все эти репетиции, ведь коронация касалась и меня самого. Хотя язык я знал, и то легче.

Потом наступил ад самой коронации. Бесконечный день всяких церемоний, богослужений, маршей, молебнов, смотров, проходов, выходов, парадов...

И вот наступил тот самый момент, когда патриарший местоблюститель митрополит Московский и Коломенский Макарий возложил мне на голову Большую императорскую корону.

Что я чувствовал в этот момент? Волнение? Триумф? Гордость за себя самого, что мне, попаданцу из 2015 года, не только удалось не пропасть в этом самом 1917 году, не сгинуть в огне революции, но еще и удержать Россию от катастрофы? Откровенно говоря, ни о чем таком я в этот момент не думал, а почему-то подумал о том, что корона эта жутко тяжелая, куда тяжелее пресловутой шапки Мономаха. А я ведь собирался возложить на свою голову не одну, а целых три императорские короны. Не свалюсь ли я под их тяжестью?

И лишь когда передо мной моя милая Маша плавно опустила свои колени на специальную подушку и склонила передо мной голову, я почувствовал волнение. Даже как-то дыхание перехватило, когда я принял из рук Макария Малую императорскую корону и бережно возложил ее на голову лю-

бимой женщины. Моей любимой императрицы Всероссийской.

Что ж, Машенька, твоя корона легче моей. И я сделаю все, чтобы так было и впредь...

Легче?

Кто верит в то, что принцесса, выйдя замуж, начинает жить в сказке, пусть почитает эту историю о том, как умная и гордая римская принцесса стала вдруг настоящей императрицей Всероссийской.

Я не мог не видеть, как побледнела и осунулась Маша за эти бешеные дни. Куча новых обязанностей, куча доставшихся в наследство от прежней императрицы Марии дел, официоз, прошения, письма, снова прошения. Больницы, школы, дома призрения, госпитальные поезда. Гимназии, университеты и всякого рода общества. Только от покойной императрицы Марии досталось Маше в наследство 460 учреждений, которые всерьез опекала ее предшественница и которые совершенно никак нельзя бросить. Плюс еще формирование своего штата и Канцелярии. Интриги, интриги, интриги...

Все это навалилось на нее так, что и в Марфино, и в Москве, и в поезде императорском, и даже здесь, в Крыму, мы видимся в лучшем случае за спешным завтраком или уже ночью.

Где они, наши сладкие и такие беззаботные ночи...

Османская империя.

Босфор. Бухта Стения. Крейсер «Midilli».

19 августа 1917 года

Темная южная ночь раскинулась над Босфором. Лишь звезды блестели в небесах, не в силах разогнать мрак. Мрак в природе и мрак в душе.

Фрегаттен-капитан Георг фон Хиппель не был трусом и паникером, но тоскливое чувство безысходности все чаще томило его. И вечернее совещание с адмиралом Сушоном никак не могло добавить хоть немного оптимизма.

Все плохо. Они в ловушке, и ловушка эта практически захлопнулась.

Что ж, он знал, когда шел во флот, что весьма вероятно ему придется сложить голову в каком-то морском сражении. Однако это виделось ему как-то в более героической обстановке. А не в качестве прикованного к стенке Прометея, которому орел нагло и методично выклевывает печень.

Ничего. Они и в этой ситуации дадут бой и покажут, как умеют умирать немецкие моряки. Завтра утром он построит экипаж и обрисует положение. Вызовет добровольцев, а остальным предложит покинуть корабль. В последний бой пойдут лучшие сыны Германии.

Отблеск пламени неясным светом осветил бухту.

– Что там?

– Не могу знать, герр фрегаттен-капитан! Похоже, пожар на каком-то складе!

– Так пошлите кого-нибудь на разведку!

– Яволь, герр фрегаттен-капитан!

Вахтенный отправился исполнять приказ.

Крым. Дворец Меллас.

6 (19) августа 1917 года

– Ее величество спит?

– Нет, государь. Изволят быть в своем кабинете.

– Хм, понятно. Вот что, Евстафий. Организуй-ка мне бутербродов там каких-нибудь. И чаю.

– Да, государь. Сей же час все будет. Куда прикажете подать?

– В кабинет ее величества и подавай. Еще распорядись, чтобы и офицерам в штаб тоже кто-нибудь отнес. Им долго сидеть.

– Как прикажет государь!

Дворец Меллас не настолько уж большой дом, чтобы до кабинета императрицы пришлось идти долго.

– Привет, солнце.

Я чмокнул жену в губы и устало опустился в кресло напротив. Задаю глупый вопрос:

– Ты чего не спишь?

Маша неопределенно пожала плечами.

– Привет. Разбирала переданные графиней Менгден бумаги, касающиеся ведомств императрицы Марии, отвечала на корреспонденцию...

– Меня ждала?

Она не стала отрицать очевидное.

– Ну да, и это тоже.

– Совершенно напрасно, любовь моя. Мой кутеж с офицерами мог затянуться и до утра. Ты же знаешь эти наши офицерские попойки!

Жена грустно улыбнулась:

– Да уж, знаю я ваши кутежи и попойки. У тебя уже черные круги вокруг глаз. Который день света божьего не видишь, все сидишь в своем военном штабе.

Я разумно не стал отвечать ей как-то типа «на себя посмотри», а постарался отшутиться:

– Что тут поделать, родная моя. Охота, балы и банкеты – главное развлечение монарха.

– А вот насчет твоего царственного румынского собрата я несколько не сомневаюсь. Сегодня он принимал чуть ли не парад победы в освобожденном русскими войсками Бухаресте. Уверена, что попойка там и сейчас в самом разгаре.

– Ну, солнце, ты несправедлива к царственному собрату Фердинанду, дай бог ему всяческого здоровья и прочего в этих делах долголетия. Быть главнокомандующим Румынским фронтом Русской императорской армии так утомительно.

– Особенно если учесть, что все за него делает генерал Щербачев, а в освобожденный Бухарест наш румынский монарх-полководец прибыл прямо из Москвы, из-за банкетно-

го стола по случаю столь славной победы. Прибыл, даже не заезжая в свой штаб фронта. Впрочем, это все пустое. Ты голоден?

– Зверски! Но я уже... А, вот и Евстафий, легок на помине!

Мой личный камердинер поставил поднос с «яствами» и обозначил поклон.

– Прошу простить, государь, на кухне никого не было в этот час. Пришлось управляться самому. Чай и бутерброды, ваше величество. Прошу простить за толстые ломти.

– Самое оно сейчас то, Евстафий, самое то...

– Офицерам штаба уже понесли поднос.

– Благодарю.

Повинуясь моему жесту, мой начальник личной разведки тихо скрылся за дверью. Я же жадно вгрызся в безобразный по красоте и сочный по аппетитности бутерброд так, словно сбежал из голодного края. Лишь спохватившись, предложил сквозь жевание:

– Поешь... тут на нас обоих.

– Спасибо, мой любимый. Я уже ужинала.

Маша с улыбкой смотрела на меня. Вероятно, есть в коренной и глубинной женской натуре что-то такое, что заставляет получать удовольствие от того простого факта, что твой мужчина ест. Впрочем, мне трудно судить. Да и, честно говоря, совсем не до подобных философических размышлений. Я реально был зверски голоден. Прожевав очередной кусок,

спрашиваю:

– Что там твоя корреспонденция? Есть что-то интересное?

– Получила письмо от Георгия.

– О! Здорово! И что сын?

– Наш сын пишет, что они готовятся к переезду в Звездный городок, что погода в Москве испортилась и что он уже скучает. Написала ему, что мы тоже скучаем и прибудем в Звездный городок, как только позволят обстоятельства.

– Умница. Что еще?

– Получила письмо из Рима. Отец передает тебе самые теплые пожелания и свою уверенность в общей победе.

– Гм, передай моему царственному тестю мои самые искренние благодарности и те же уверенности в том же самом. Впрочем, ты и сама знаешь, как ответить и что передать, чтобы было красиво.

Царица усмехнулась.

– Разумеется, любимый, я отвечу и передам. Еще продолжают поступать поздравления с нашей свадьбой. Особенно приятно было получить поздравления от моего любимого 6-го полка из Парижа. Они такие молодцы! Я им отписала в ответ.

– Да, они действительно молодцы. Германец Париж так и не взял толком.

– Также пришло письмо от собрания студентов Императорского Московского университета. Просят наши величе-

ства посетить их альма-матер.

– Да, мысль интересная. Только передай письмо генералу Климовичу, пусть готовит меры безопасности. Да и имперское СБ пусть изучит вопрос – мало ли что. В этом году слишком часто нас с тобой пытались убить. Но встреча со студентами нужна.

– Согласна.

Решив не будить ее тягостные воспоминания, быстро уточняю:

– Что еще пишут?

– «Союз женщин Освобождения» просит меня стать августейшим шефом организации... Впрочем, всяких иных дел и прошений слишком много, а ты устал, все это подождет. Отправляйся-ка ты, дорогой муж, спать.

– Нет-нет, я жду известий с юга.

– Известия мимо тебя не пройдут. Как только что-то станет известно, тебя тут же найдут, уж поверь. Да и Евстафий знает, где ты сейчас. Так что вот тебе диван, вот тебе подушка и плед. Поспи хотя бы пару-тройку часов. Завтра ты будешь нужен миру со свежим умом. Победитель с опухшим от недосыпа лицом – моветон. Если что-то будет срочное, то тебя разбудят.

– А ты?

– Я пока еще немного посмотрю бумаги.

Упав на диван, я практически сразу отключился. Последнее, что я помню, это были мягкость пледа и ласковые слова

моей Машеньки:

– Отдыхай, любимый...

Глава II

Сны и пламя небес, или День, когда творится история

Османская империя. Босфор. Бухта Стения.

Крейсер «Midilli». 19 августа 1917 года

Словно в ответ на огонь на берегу вспыхнуло пламя и на воде. Подняв бинокль, Хиппель разглядел какое-то судно, на котором бурно разгорался пожар, да так быстро, что команда спешила сесть в шлюпку и поскорее покинуть обреченную посудину.

Немец выругался:

– Вот же идиоты безмозглые!

– Герр фрегаттен-капитан, смотрите!

Бросив взгляд туда, куда указывал вахтенный, Хиппель похолодел от мрачного предчувствия: разгорался третий пожар, и бухта Стения оказалась как раз меж трех огней.

И тут он уловил где-то высоко в небе слабый гул моторов.

– Боевая тревога! Противозаэропланным расчетам смотреть небо!

Огни стали вспыхивать один за одним. Пожары разгорались, ярко освещая бухту и скопление кораблей. Зажигательные бомбы падали с небес одна за одной, находя все новую и новую пищу для жадного пламени.

На берегу звучали панические крики, поднялась суматоха.

Первый мощный взрыв вспух где-то за складами, и палуба под ногами вздрогнула. Через несколько мгновений рвануло уже ближе. Еще один взрыв. Еще. Все ближе. И вот, когда казалось, что сейчас дойдет очередь и до них, взрывы вдруг прекратились, и лишь ударная волна толкнула в грудь.

Противоаэропланные орудия загрели на «Гебене». Опомнившись, Хиппель приказал своим:

– Огонь!

К коллегам присоединились и канониры «Бреслау», и немецкие артиллеристы на берегу. Но в абсолютно черном небе не было видно никаких силуэтов. Явно бомбардировка велась с большой высоты, и отблески пожара на земле не могли подсветить цель.

Новый взрыв потряс округу. Чуть в стороне и ближе. Еще. Еще. Мощные взрывы пошли сплошным огненным потоком.

Едва отгремели эти взрывы, началась череда других. Тяжелые бомбы падали одна за одной, превращая все вокруг в огненный ад. И вот первая бомба упала в бухту непосредственно перед ними, подняв огромный фонтан.

Тут в небе полыхнул огонь, и объятый пламенем дирижабль устремился вниз, разваливаясь на части...

*Османская империя. Босфор.
Батарея Румели Кавак.*

19 августа 1917 года

Поймав лезвие ножа на выдохе, часовой не издал ни звука, повалившись бережно придерживаемым кулем на землю.

Знак, и первая группа двинулась, минуя тело незадачливого часового. Двигались быстро, но без лишней суеты, хотя счет и шел на мгновения. Но пока Бог был милостив, и им везло. Вот еще один часовой заснул не проснувшись, вот подтянулась и вторая группа, двигаясь по заранее согласованным маршрутам.

Часовых снимали быстро, однако их оказалось на удивление мало, что создавало серьезные проблемы, ведь они могут быть где угодно сейчас – гулять в местных кабаках, дрыхнуть пьяными в канаве, вдыхать обкуренными мозгами аромата луны, но могли и внезапно появиться из-за угла, так нехотели поднимать тревогу.

Но вроде обошлось. Выходы из казарм блокированы, на пути к орудиям солдат противника не осталось. Удалось сохранить инкогнито своего визита, а значит, пришла пора выйти на сцену третьей группе и местным помощникам.

С 355-миллиметровых орудий системы Круппа и еще одного 240-миллиметрового орудия снимались замки и прицелы, в открытые стволы насыпался песок и забивались камни.

– Время.

Отряд бесшумно покинул позицию и стал быстро отходить от берега Босфора.

Через четверть часа командир отряда приказал:

– Стеклов!

– Я, вашбродь!

– Давай-ка свой мешок с мелом, будем мы крест насыпать.

Место как раз подходящее, с воздуха хорошо будет видно...

Османская империя. Босфор.

Бухта Стения. Дирижабль «Империя».

6 (19) августа 1917 года

Генерал Кованько стоял на командирском мостике «Империи», глядя на огненное море далеко внизу. Эскадра дирижаблей наконец-то сказала и свое весомое слово в этой войне, перестав на время исполнять работу извозчиков и занявшись своим изначальным делом – бомбежками.

Позади были изнурительные тренировки, когда эскадра училась летать по ночам, училась определять границу воды и суши в ночное время, в особенности во времена новолуния. Училась находить цель по зажженным внизу кострам.

Позади был долгий перелет над Босфором, когда от точности действий штурмана и рулевого зависел не только успех, но и выживание во время этой операции. Разумеется, они сделали все, что только могли. Был четко расписан план полетов, четко оговорено время взлета, были установлены временной промежуток, высота полета каждого из десяти дирижаблей, их расход в разные стороны после бомбометания и порядок возвращения на болгарский аэродром в Бургасе. Но тренировок было так мало, а еще меньше было

опыта ночного бомбометания.

Поэтому на корме каждого дирижабля имелся специальный фонарь, невидимый с земли, но по которому могли ориентироваться идущие вслед воздушные корабли. И конечно же, сильно помогли ребята из ССО, зажигая костры на рыбацких фелуках на всем пути от входа в Босфор и до самой Стении, огненной цепочкой прочертив траекторию полета. Как турки пропустили такие ночные художества в военное время, для Кованько оставалось загадкой.

Господь Бог был явно за них. И стих ветер, и они умудрились не наткнуться друг на друга в воздухе, чего генерал всерьез опасался, ибо учения учениями, но чаще всего практика говорит совсем обратное. Но повезло. Несказанно повезло.

Что ж, судя по данным постов наблюдения, бухта Стения все ж таки была накрыта бомбами. Удалось ли потопить хотя бы один немецкий крейсер? Трудно сказать пока, но генерал надеялся на это. Тогда гибель дирижабля «Ястреб» не будет напрасной...

Османская империя. Босфор.

Батарея Анатоли-Фенер. 19 августа 1917 года

Пулемет нещадно ударил по выбегавшим из казарм. Гарнизон батареи поспешил укрыться за стенами, явно пытаясь понять, как так получилось, что все основные посты батареи были заняты противником. Причем заняты без единого выстрела.

Спать не надо на посту, вот и весь секрет. Особенно не надо на посту употреблять различные наркотики. Это вредно для жизни.

Впрочем, нет никакой особой миссии у отряда ССО. Надо всего лишь не дать выйти из казарм гарнизону батареи, не дать взорвать орудия и просто спокойно дожидаться подхода десанта морской пехоты Балтийского флота.

Все очень просто, не так ли?

Крым. Дворец Меллас. 6 (19) августа 1917 года

– Уважаемые пассажиры, имеющие билеты на рейс «Имперских авиалиний» и следующие маршрутом Москва – Царьград. В терминале «А» начинается посадка на столичный маршрут. Просим вас пройти на посадку.

– Ну что, пошли потихоньку?

Маша подмигнула мне и встала с кресла. Я кивнул и тоже поднялся, сжимая в одной руке сумку с багажом, а в другой – мой любимый ноутбук. Блин, сколько раз я жалел, что он остался там, в Гатчине, в том самом роковом для меня 2015 году! Ну, сейчас-то я его не выпущу из рук. В нем столько всего, что...

Мы вышли на летное поле, и налетевший горячий ветер заставил нашу одежду затрепетать не хуже красного флага на аэродроме. Маша слегка взвизгнула и придержала подол короткого летнего платья.

Впереди нас уже ждал огромный красный дирижабль

со Звездой Богородицы на борту. Я невольно залюбовался большой и стремительной машиной.

Маша что-то говорила, но ее голос звучал где-то на заднем плане. Гудели мощные моторы «Империи IV», воздушный корабль проходил последние проверки.

Жена наклонилась к моему уху и мягко произнесла:

– Миша, просыпайся.

– Мм...

– Просыпайся, лю-би-и-мый!

Лишь сильнее зажмурился и застонал:

– О нет! Такой сон!

– К тебе генерал Артемьев.

Я продрал глаза. Под веки словно песка насыпали...

– Что?

– К тебе генерал Артемьев. Принес телеграмму.

– Про вашего мальчика...

– Какого мальчика?

– Неважно. Где Артемьев?

– В приемной.

– Спасибо, солнце.

Нужно ли говорить, что ноутбука не было, а Маша отнюдь не была в коротком летнем платье?

В приемной меня действительно дожидается генерал.

– Ваше императорское величество! Шифрограмма от генерала Кованько. В ходе ночного налета эскадры дирижаблей на Стению сама бухта и вся округа подверглись бомбар-

дировке, в ходе которой было сброшено более сотни пятнадцатипудовых и множество зажигательных бомб. Отмечены попадания в надводные цели, находящиеся в акватории. Вся округа в огне, имеются многочисленные разрушения сооружений и портового оборудования военно-морской базы, а также прочих строений Стении. Более точные сведения мы сможем получить лишь утром, после облета бухты разведывательным гидропланом Черноморского флота. К сожалению, во время операции огнем с земли был сбит дирижабль «Ястреб». По предварительным данным все восемь членов экипажа погибли, поскольку аппарат взорвался высоко в воздухе. Среди погибших прапорщик баронесса София Николаевна де Боде.

Я медленно выдохнул. Жаль погибших, но война есть война. Если хотя бы четверть из того, о чем отчитался Кованько, правда, то соотношение потерь просто несопоставимо.

– Пусть моя Канцелярия подготовит высочайшее повеление о присвоении всему экипажу дирижабля «Ястреб» звания «Герой России». И наградные листы на всех участников операции. А Суворину передайте... Впрочем, он и сам знает, что с этим надо делать.

– Да, государь.

– Что Слащев?

– Пока нет известий, государь.

Османская империя. Босфор

Бухта Стения. Крейсер «Yavus Sultan Selim».

19 августа 1917 года

Липкий смрад пожарища все еще висел в воздухе. Даже поднявшийся утром ветерок не смог развеять удушливость каждого дыхания.

Стения пылала всю ночь. Горели склады и портовые сооружения, горели дома и ангары, горела даже вода в бухте от разлившегося по ее поверхности топлива.

Да, это был эпохальный разгром. Даже для османского флота это был невиданный разгром, что уж говорить про германский. Глупейший разгром.

Затонули «Бреслау» и турецкий крейсер «Хамидие». Потоплено много кораблей поменьше. Военно-морская база почти полностью выведена из строя, поскольку кроме руин и пепелищ тут мало что осталось. Да и сам «Гебен» лишился хода и получил прочие повреждения.

Причем нужно признать, что потери от реальной бомбардировки были куда меньше, но охваченные паникой османы поспешили на рассвете затопить не такие уж и поврежденные корабли, даже не взорвав их, и целыми экипажами отправиться подальше от войны. Более того, именно безумный таран спешно пытавшегося покинуть бухту во время бомбардировки и потерявшего всякое управление крейсера «Хамидие» в борт «Бреслау» и привел к гибели немецкого корабля, впрочем, как и самого турка.

«Гебен» в ходе столкновения двух крейсеров также был

поврежден и лишился хода. И несмотря на весь немецкий героизм и всю самоотверженность, было совершенно ясно, что починить корабль в условиях бывшей базы Стения не представляется возможным. Это займет месяцы, а русские будут здесь максимум через неделю. Не говоря уж о том, что русские наверняка повторят свои массированные воздушные налеты и постараются добить их. Сегодня над ними уже кружили два их гидроплана, явно оценивая результаты ночной бомбардировки и намечая цели для новой.

По ним даже не пытались стрелять.

Что ж, спасти корабль команда не сможет, но никто им не мешает подготовить крейсер к взрыву, чтобы никто не смог восстановить его.

Четверть часа до построения и поднятия флага. Сегодня он не станет поднимать покрытую позором османскую тряпку. Сегодня на флагштоке вновь будет реять гордый орел Кайзерлихмарине. Затем они займутся минированием всего, что только возможно, чтобы нанести конструкциям и машинам максимальный ущерб. Потом они покинут корабль, но покинут его с гордо поднятой головой, покинут, спев «Heil dir im Siegerkranz». Да, угольщик затонул, и им придется добираться уже не надеясь на него. Но все же разве это остановит немецких моряков?

Рокот моторов отвлек Аккермана от созерцания пожара. Вдоль пролива шли три десятка гидропланов.

– Scheiße!

Капитан цур зее Рихард Аккерман выругался и в бессилии заскрежетал зубами – бухта, да и сам крейсер за эту ночь лишились практически всех противозаэропланнх орудий и ничем не могли ответить на очередную воздушную атаку русских.

Обернувшись к застывшей команде, капитан твердым голосом отдал приказ:

– Флаг, гюйс и вымпелы поднять! Покажем русским, как умирают немецкие моряки!

Флаги быстро и без церемоний взлетели над крейсером.

А русские меж тем спокойно перестраивались, и уже становилось ясно, что одна из групп – это бомбардировщики, а другая явно несла меж поплавками длинные цилиндры мин Уайтхеда.

И вот первый гидроплан зашел на курс атаки.

– Оружие к бою!

Матросы вскинули карабины, повернули свои стволы два уцелевших ручных пулемета, а Рихард Аккерман поднял свой верный «Маузер К-96». Взял на прицел приближающиеся гидропланы и запел:

Heil dir im Siegerkranz,
Herrscher des Vaterlands!

Команда в едином порыве подхватила, выцеливая в воздухе свою приближающуюся смерть.

Heil, Kaiser, dir!
Fühl in des Thrones Glanz
Die hohe Wonne ganz,
Liebling des Volks zu sein!
Heil Kaiser, dir!⁷

Звучали выстрелы. Моряки пели. Буруны торпед неумолимо приближались к обреченному кораблю, принявшему свой последний бой...

Османская империя. Берег реки Марица.

6 (19) августа 1917 года

– Ну, что, юзбаши, все как мы и договаривались?

Малик-бей активно закивал своим тройным подбородком.

– Да-да, все как договаривались, господин капитан. И за нас, и за соседей. Вся сумма.

Капитан Емец с брезгливостью наблюдал, как жирный османский майор липкими пальцами распахивает по карманам золотые монеты и толстые пачки русских рублей. После того как турок разобрался со своим добром, капитан Емец шутливо козырнул «коллеге» и добавил на прощание:

⁷ «Heil dir im Siegerkranz» («Славься ты в венце победном») – императорский гимн в Германской империи с 1871 по 1918 г. Приблизительный перевод: Славься ты в венце победном, Правитель отечества! Слава, кайзер, тебе! Почувствуй в блеске трона Всю возвышенную радость, Какое счастье быть Любимцем народа! Слава, кайзер, тебе!

— Ну, как говорится, счастливого вам плена, юзбаши. Лично вас ждет прекрасный отдельный домик с садом и, думается, скорое освобождение, поскольку эта война долго не затянется, и Османская империя капитулирует в самые ближайшие дни. Не могу, правда, обещать, что вам удастся вернуться в свой дом в Константинополе, сами это должны понимать.

Малик-бей похлопал себя по оттопыренным карманам:

— Ничего, господин капитан. С такими-то деньгами я куплю себе прекрасное поместье на побережье!

— Вот и прекрасно. Море, поместье, а главное, жизнь, полная неги и удовольствий, не так ли, юзбаши?

— Истинная правда, господин капитан.

— Что ж, пора, наверное, прощаться.

— Прощайте, господин капитан! Был рад нашему знакомству!

Русский офицер усмехнулся с иронией.

— Не сомневаюсь.

Но османский офицер был счастлив, и на иронию русского ему было плевать. Он козырнул и отправился к своим войскам.

Еще несколько минут капитан Емец смотрел вслед развеселому турецкому батальону, который с песнями и под охраной из десятка казаков радостно и нестройно топал в русский плен, счастливые оттого, что остались живы, да еще и денег каких-то заработали на этом.

А навстречу пленным туркам бесконечной колонной катили по мосту броневики Русской императорской армии.

— Ну, как говорится, за опт вышло не так уж и дорого. Три стратегических моста в обмен на одно приличное имение и, вероятно, пару имений попроще. Сомневаюсь, что он соседям отдаст всю сумму. В любом случае хорошо иметь дело с циничными и жадными людьми. Приятно работать! А как он понравится коллегам из разведки!

Сказав это, капитан сил специальных операций Анатолий Емец повернулся и поспешил к ожидавшей его мотоциклетной разведроте. Впереди было много дел, сражение за Проливы только начиналось.

Через несколько минут колонна мотоциклов с колясками, ошетилившись тупыми рылами пулеметов, поехала в глубь территории противника. Впереди их ждал Босфор.

Крым. Дворец Меллас.

Императорский командный пункт.

6 (19) августа 1917 года

— Что Слащев?

Генерал Артемьев доложил:

— Помимо операции по наведению эскадры дирижаблей на Стению, в районе Босфора и Черноморского побережья по обе стороны Проливов силами специальных операций были осуществлены операции по захвату или выводу из строя орудий крупного калибра, которые прикрывали подходы к бе-

регу и вход в пролив. Успешно проведены операции по захвату и удержанию ключевых батарей, прикрывающих вход в Босфор. Силами СО были захвачены батареи Фенераки, Румели-Фенер, Анатоли-Фенер и Юм-Бурну, что позволило высадить десант морской пехоты. Как и было намечено планом операции, батальон морпехов Балтфлота высадился на азиатском берегу, а черноморцы на европейском. Все четыре батареи взяты под контроль. Гарнизоны фортов капитулировали, орудия не повреждены. Также морская пехота атаковала с тыла батареи Рива-Калести и Эльмас. Первую удалось взять в ходе короткого боя, а со второй возникли неожиданные проблемы, османы проявили неожиданное упорство, и бой продолжается. До захвата этой батареи Черноморский флот не может начать высадку черноморской морской дивизии генерала Свечина.

– Держите меня в курсе событий.

– Да, государь! Также поступили доклады о результатах ночной спецоперации ССО против внутренних батарей, находящихся непосредственно на берегах Проливов. По имеющимся на данный момент сведениям, полученным в ходе воздушной разведки, условленные кресты были замечены недалеке от батарей Румели-Кавак, Мавро-Могу, Сари-Таш и Анатоли-Кавак, что свидетельствует о том, что замки и прицелы с орудий этих фортов удалось снять, а сами орудия, согласно задаче, были забиты песком и камнями.

– А по другим батареям?

– К сожалению, государь, у других батарей Проливов условных крестов обнаружено не было. Можно предположить, что не всем отрядам ССО удалось справиться с поставленной задачей. Впрочем, пока всей картины у нас нет. Согласно плану операции, батареи, не помеченные крестом, были указаны как приоритетные для нанесения бомбовых ударов.

Усмехаюсь устало:

– Что ж, раз креста на них нет, придется поставить на них крест.

Черное море.

Где-то западнее Босфора.

6 (19) августа 1917 года

Воздушная армада шла высоко над линией берега. Галанчикова бросила взгляд на молчаливую подругу.

– Говорят, что баронесса де Бодэ погибла?

Княгиня Долгорукова кивнула.

– Да. «Ястреб» сбили ночью над Стенией. Вряд ли кто выжил. Жаль Софу.

– Жаль. Вечная память всем погибшим. Женщины несут тяготы войны наравне с мужчинами.

– Да, только нас пока так мало.

– Ничего, говорят, что в авиашколах сейчас много барышень.

Княгиня криво улыбнулась.

– Еще бы, чуть ли каждый наш вылет во всех газетах смакуется. Увидишь, что они еще из гибели Софы сделают.

– Ну, что делать, подруга. Это война. И войну выигрывают не только на полях сражений. Мы – солдаты и знали, куда шли. Лично я согласна послужить Отечеству и после своей гибели, если уж Господь так рассудит. К тому же вот увидишь, сколько женщин придет в авиацию после сообщений о подвиге Софы. И не только в авиацию. Так что...

Долгорукова вздохнула.

– Согласна.

Они помолчали.

Это был уже их второй вылет за сегодня. С утра их дивизия уже разбомбила османские позиции на подступах к Иг-неаде, а теперь они шли вдоль побережья, методично бомбя турецкие форты, прикрывающие подходы к побережью со стороны Черного моря.

Большая часть османских укреплений была рассчитана на бой с морскими целями и либо не имела противоаэропланной защиты, или орудий и пулеметов в них было так мало, что они не могли ничего противопоставить полусотне тяжелых бомбардировщиков, которые швыряли им на головы пятнадцатипудовые бомбы. К тому же многие крупнокалиберные морские орудия турок прикрывались лишь земляным или в лучшем случае каменным бруствером и фактически стояли под открытым небом.

Впрочем, и современные артиллерийские башни часто не

выдерживали прямого попадания тяжелой бомбы, а хотя бы одна из десятков бомб да попадала. Так что форты выводились из строя один за одним.

– Вижу цель. Приготовиться к бомбометанию.

– Есть приготовиться к бомбометанию!

– Товсь! Сброс!

Княгиня Долгорукова потянула рычаг, и шесть «подарков» устремились вниз, неся на головы противника по 250 килограмм смерти.

Российское телеграфное агентство (РОСТА).

6(19) августа 1917 года

Его Императорское Величество Государь Император Михаил Александрович повелел начать Босфорскую операцию. В связи с началом генерального сражения Государь Высочайше повелел даровать Южному фронту русской Императорской армии наименование Царьградский фронт.

Все воины нашей доблестной армии полны решимости овладеть Черноморскими проливами и исполнить многовековую мечту – вновь водрузить крест над Святой Софией.

Крым. Дворец Меллас.

Императорский командный пункт.

6 (19) августа 1917 года

– По полученным средствами объективного контроля данным результатом ночного бомбового удара стало потопление германского крейсера «Бреслау» и турецкого «Хамидие», а также нескольких кораблей поменьше. Из донесений пока нельзя понять, затонули ли указанные корабли в результате непосредственно самой бомбардировки с дирижаблей или это случилось позднее, однако на момент утреннего облета на плаву оставался лишь крейсер «Гебен», имевший явные повреждения и, вероятно, потерявший ход. Командование операции приняло решение потопить крейсер, дабы не дать возможности немцам его уничтожить взрывом.

Я кивнул. Крейсер с дыркой в борту можно поднять и вернуть в строй, а взорванный годится разве что на металлолом.

Артемов продолжал доклад:

– Без четверти восемь утра по местному времени сводный отряд гидропланов Черноморского флота нанес повторный удар по бухте Стения, имея приказ потопить «Гебен», не допустив его взрыва и стараясь при этом минимизировать повреждения корабля. Исходя из поставленной задачи командир сводного отряда принял решение о поочередном сбросе мин Уайтхеда, дабы иметь возможность прекратить торпедирование, как только станет очевидно, что крейсер начал погружение. При этом остальными гидропланами по «Гебену» велся интенсивный пулеметный огонь, а также были сброше-

ны легкие осколочные бомбы, начиненные шрапнелью, которые не могли повредить сам корабль, но выбивали живую силу.

– Что немцы?

– Подняли германский военно-морской флаг и стреляли из ручного оружия по нашим аэропланам до самой последней минуты, пока очередная торпеда не пустила корабль на дно бухты. Некоторые пилоты утверждают, что было видно, что немцы что-то хором поют. Слов разобрать в шуме было невозможно.

– Почему-то я думаю, что пели они вовсе не «O du lieber Augustin».

– Я тоже так считаю, ваше величество. Очевидно, что пели что-то патриотическое. Возможно, гимн.

– Кто-то выжил из экипажа?

– Насколько можно судить, уцелевшие члены команды покинули тонущий крейсер, а капитан погиб вместе со своим кораблем, привязанный к штурвалу.

– Геройская смерть. Уважаю. После взятия Стении приказываю поднять погибших на «Гебене» и похоронить со всеми воинскими почестями. Они заслужили посмертный почет. Мы уважаем честных солдат и героев, даже если это наши враги. Это будет правильно. Особенно на фоне той охоты, которую мы развернули и будем вести дальше в отношении виновных в применении химического оружия против мирного населения и тех, кто массово уничтожал людей в

Германии, Австро-Венгрии и Османской империи.

– Да, государь.

– Что еще по этой операции?

– Генерал Кованько представил списки на награждение отличившихся членов экипажей его воздушной дивизии. Также просил особо отметить чинов сил специальных операций, обеспечивавших наведение эскадры на цель. Отмечает их блестящую работу.

– Хорошо. Они действительно все славно потрудились. И жду наградные списки от сводного отряда Черноморского флота.

– Да, государь!

Принимаю от генерала лист бумаги со списком героев.

Москва. Кремль. Дом Империи.

6 (19) августа 1917 года

Генерал Кутепов хмуро отложил сообщение РОСТА о начале битвы за Проливы. Да, там идет настоящая жизнь, там творится история, а он сидит здесь и вынужден ежедневно просматривать сотни бумаг, изучая, контролируя, анализируя, проверяя, складывая два и два, ища случаи, при которых ответом неожиданно становится вовсе не четыре.

Полторы сотни офицеров в Кремле, Марфино, Петровском Путевом дворце, в Севастополе, в Форосе и в самом императорском командном пункте «Меллас» обеспечивают сейчас исправную работу ситуационного центра император-

ской главной квартиры, который не только снабжает актуальными сведениями государя, но и держит руку на пульсе всех событий в России и мире.

Цифры промышленности и торговли, ход военных поставок, в том числе и от союзников, отчеты из армий и флотов, решения, принимаемые правительством и ключевыми министерствами, и многое, многое другое, на пульсе чего желал держать свою руку император. И пусть формально они лишь обрабатывали информацию, но фактически ИГК была готова в любой момент ввести в действие один из секретных протоколов, которые предусматривали планы действий государственного аппарата на любой мыслимый кризисный случай, вплоть до гибели императора.

И однажды один из таких протоколов Кутепову уже пришлось приводить в действие. В тот самый роковой день Кровавой Пасхи, когда на Красной площади от взрыва погибли не только сотни людей, но и почти вся верхушка империи – глава правительства Нечволодов, вдовствующая императрица Мария Федоровна, военный министр великий князь Александр Михайлович, еще несколько министров, главнокомандующие Московским и Петроградским военными округами, ряд великих князей, включая второго человека в очереди на престол Дмитрия Павловича.

Да что там говорить – сам государь император лишь чудом уцелел! И такая катастрофа случилась во время войны и в момент, когда революция могла полыхнуть в лю-

бой момент! Благо благодаря четко оговоренному порядку действий Кутепов буквально через несколько минут после взрыва ввел в действие протоколы, и государственная машина хоть и немного забуксовала, но все же вновь заработала практически сразу.

Впрочем, если, не дай бог, с государем что-то случится, то России не помогут никакие протоколы, поскольку никакой альтернативы Михаилу Второму генерал Кутепов пока не видел. Корону, конечно, найдется кому передать, но все это сейчас однозначно путь в никуда. Ни у Павла Александровича, нынешнего наследника, ни у кого бы то ни было в очереди за ним нет ни той харизмы, ни той хватки, ни той воли, которая есть у нынешнего императора, дай бог ему всяческого здоровья и долголетия!

Слишком хорошо помнил Александр Павлович времена, когда на троне был Николай, и как сам Кутепов приходил просто в отчаяние, видя, как все рушится, а император выпускает из рук контроль над ситуацией. Так это после двух десятков лет правления, что уж говорить о возможном правлении слабого Павла! Даже представить себе страшно такой ход событий.

Потому так торопился император с этой свадьбой, так спешит с наследником, потому что понимает, что если что, то все рухнет, и страна немедленно погрузится в пучины революций и гражданской войны.

Причем настолько остро понимает, что перед отъездом в

Крым даже утвердил на будущее «Особый протокол Омега», в котором на случай гибели императора уже после ожидаемого рождения цесаревича должен быть немедленно созван регентский Совет правителя при малолетнем императоре, и в протоколе оговорен его примерный состав. При этом официальным (до совершеннолетия императора) правителем государства и опекуном императора должна стать вдовствующая (не дай бог!) императрица Мария Викторовна. Впрочем, это-то как раз случится и без всяких «Протоколов Омега», который лишь расписывает выполнение того, что должно быть исполнено согласно законодательству империи.

Кутепов открыл «Закон о престолонаследии», нашел этот раздел и перечитал его:

«43. Назначение правителя и опекуна, как в одном лице совокупно, так и в двух лицах раздельно, зависит от воли и усмотрения царствующего императора, которому для лучшей безопасности следует учинить выбор сей на случай его кончины.

44. Когда при жизни императора такового назначения не последовало, то по кончине его правительство государства и опека над лицом императора в малолетстве принадлежат отцу или матери; отчим же и мачеха исключаются.

45. Когда нет отца и матери, то правительство и опека принадлежат ближнему к наследию престола из совершеннолетних обоего пола родственников малолетнего императора.

47. Правителю государства полагается Совет Правительства; и как правитель без Совета, так и Совет без правителя существовать не могут.

48. Совет составляют шесть особ первых двух классов по выбору правителя, который назначает и других при случающихся переменах.

49. Мужеского пола особы императорской фамилии могут заседать в сем Совете по выбору правителя, но не прежде своего совершеннолетия и не в числе шести особ, оный составляющих.

50. В Совет Правительства входят все без изъятия дела, подлежащие решению самого императора, и все те, которые как к нему, так и в Совет его вступают; но опеки Совет не касается.

51. Правитель имеет решающий голос.

52. Назначение Совета и выбор членов оного полагается в недостатке другого распоряжения скончавшегося государя, ибо оному должны быть известны обстоятельства и люди».

Вот на этот-то случай император и составлял предварительный список возможных членов Совета Правительства. Впрочем, последнее слово в этом случае согласно «Протоколу Омега» все равно будет за императрицей Марией.

Только вот ничего этого не может случиться, пока не родится наследник цесаревич. То есть как минимум еще девять месяцев великому князю Павлу Александровичу придется с ужасом представлять себе тот черный день, в который корона вдруг свалится ему на голову. Впрочем, скорее всего, он

тут сразу же откажется от престола, и корона империи покажется по головам очереди наследников. Покатится, пока не свалится с чьей-нибудь головы. Вместе с головой. Ибо в то, что кто-то из них сумеет удержать власть, Кутепов не верил.

М-да.

Генерал хмуро закрыл томик Закона и вновь покосился на новость РОСТА, лежащую на столе.

Эх, а он тогда так обрадовался, когда государь сообщил ему о своем решении назначить генерала Артемьева на должность командующего императорской главной квартирой. Настолько обрадовался, что тут же подал на высочайшее имя прошение о переводе на фронт.

На что Михаил Второй лишь хохотнул, а затем сказал:

– Побойтесь бога, Александр Павлович! Какой фронт? Вы мне в Москве нужны!

– Нижайше прошу простить, ваше императорское величество, но я боевой офицер, а не штабист, и мое место...

Но император не дал ему договорить.

– Вот что, генерал свиты Кутепов. Где ваше место в империи – решать мне. И вы мне нужны в Москве. С сегодняшнего дня вы официальный начальник ситуационного центра и продолжаете исполнять должность командующего императорской главной квартирой, пока ваш непосредственный начальник генерал Артемьев будет со мной в Мелласе, а затем, даст Бог, и в Царьграде. Вам все ясно, генерал?

Кутепов вытянулся и четко произнес:

– Так точно, ваше императорское величество! Все ясно. Вопросов не имею.

Михаил Второй смягчился и лишь с горечью сказал:

– Эх, Александр Павлович, Александр Павлович. Я ведь точно такой же боевой офицер, точно так же водил на вражеские пулеметы свою конную дивизию, а затем корпус. Я всю жизнь шарахался от штабной и прочей бумажной работы. И что же? Вместо того чтобы во главе своей Дикой дивизии первым ворваться в Константинополь, я тоже вынужден сидеть в штабе и лишь бумажки перекладывать. Так что давайте делать свою работу там, где мы нужны империи и Господу Богу.

– Да, государь!

– И вот что, Александр Павлович. Вы фактически остаетесь в Москве моими глазами и ушами. В какой-то мере даже моим местоблюстителем, пока меня нет в столице. И ваша задача не дать меня свергнуть, вам это ясно?

– Так точно, ваше величество! Можете быть уверенным – я не подведу!

– Надеюсь на вас, генерал. Сами знаете, какой непростой у нас август в Первопрестольной, сколь тонко и ювелирно нужно все провести. Выиграйте для меня это сражение в Москве. Это приказ и моя личная просьба.

– Все сделаю, государь. Не сомневайтесь.

И вот теперь Кутепов вел свое сражение. Сражение, на котором не звучали выстрелы, но от исхода которого во мно-

гом зависела история России. Шла подготовка к Съезду аграриев и к Священному Синоду, на котором должны были избрать Патриарха Московского.

И если к Съезду аграриев был повышенный интерес у всякой левой публики и прочих заинтересованных лиц, то вокруг Синода шли нешуточные бои между различными группами духовенства и мирян самой правой направленности, вплоть до махровых черносотенцев.

И на том, и том событии накалялись страсти, и ситуация могла пойти вразнос в любой момент. Но ни то, ни другое не могло быть отложено и должно было состояться до коронации в Константинополе, на волне эйфории от взятия Пролитов.

Ситуация осложнялась остротой вопросов. Земельный передел мог вообще взорвать империю изнутри и обрушить фронт или ввергнуть державу в несколько лет голода, не говоря уж о потере всего экспорта. А выборы патриарха, непростые сами по себе, проходили на фоне перспектив получения на государственном уровне сразу нескольких патриархий под скипетром русского императора. А это, как говорится, уже совсем другой коленкор!

К тому же государь поставил Кутепову задачу не только провести эти мероприятия точно и в срок, не допустив эксцессов и выплеска страстей на улицы, но и добиться того, чтобы заседающие сами же и приняли именно те решения, которые нужны Михаилу Второму. Который, кстати, пообещал

шал митрополиту Макарию поддержать его кандидатуру на выборах патриарха. А Кутепов же должен был так провести работу, чтобы Макарий вообще не попал в список из трех кандидатов, из которых Михаил Второй будет выбирать патриарха. А сделать это можно было лишь путем того, что Макарию банально не хватит голосов.

Такая вот стратегическая задача.

Александр Павлович в очередной раз пожалел, что князь Волконский застрял в Италии. Он бы справился лучше с Синодом, как прежде справился с Госдумой. Но что тут поделать, каждый воюет на своем участке фронта. Италия стратегически нужна России. Неслучайно государь присвоил князю Волконскому ранг имперского комиссара с практически неограниченными правами.

Что ж, Третий Рим хочет завладеть Вторым Римом и сильно дружить с Римом Первым.

Задача не для слабых духом.

Хорошо хоть группировки вокруг премьер-министра Манниковского притаились, явно желая дожидаться развязки вопроса с Проливами. Но с другой стороны, они могут поспешить нанести удар до того, как эйфория не сделает переворот невозможным.

Крым. Дворец Меллас.

Императорский командный пункт.

6 (19) августа 1917 года

– Генерал Каледин докладывает о полном успехе. После бомбового удара по укреплениям противника 1-я Конная армия прорвала османский фронт и развивает наступление, двигаясь вдоль черноморского побережья в направлении на Босфор. По мере продвижения наша конница атакует и берет под свой контроль османские береговые батареи, прикрывающие побережье от подхода наших кораблей. Действия 1-й Конной армии поддерживаются авиацией и орудиями черноморской эскадры.

– Сопротивление противника?

– Практически отсутствует. Гарнизоны батарей и небольших городков предпочитает сразу же капитулировать. Крупные очаги сопротивления, которые могут возникнуть, Конная армия обходит, не теряя темп.

Да, там сейчас это самое главное. Очаги мы додушим или они сами сдадутся.

– Хорошо. Что на другой стороне?

– Основные пехотные силы Царьградского фронта начали наступление. В пяти местах силам фронта удалось преодолеть реку Марица и закрепиться на плацдармах. В двух местах река была форсирована силами двух болгарских кавалерийских дивизий, после чего подразделения Императорского Инженерно-строительного корпуса начали сооружение временных мостов для организации переправы.

– А еще в трех местах?

Генерал Артемьев усмехнулся:

– А еще в трех местах орлы Слащева просто купили три моста.

– Купили?!

– Да, государь.

Я заржал и захолопал в ладоши, аплодируя.

– Bravo! И кто там такой интересный купец?

– Некто капитан ССО Емец, ваше величество. Просто подкупил турецкого майора и пообещал тому, что если он продаст свой мост, то получит жизнь и много денег. И тот на радостях не только не стал взрывать свой мост, но и договорился с командирами соседних мостов. В общем, мосты куплены, а три османских батальона с песнями пошли в наш плен.

– Ай да Емец, ай да сукин сын!

Я был в восторге. Нравится мне подход к жизни у людей Слащева! Каждый раз удивляюсь их выходкам. Где он берет таких? Чутье у него, что ли?

– А много денег – это сколько?

Генерал назвал сумму. Усмехаюсь.

– Хороший купец. Дешево сторговался. В общем, так, Василий Васильевич, подготовьте мне бумаги на производство этого Емца в подполковники. Ну, и орден ему, само собой.

Крым. Дворец Меллас. Набережная.

6 (19) августа 1917 года

– Устал?

– Соскучился очень.

Я зарылся носом в ее волосы, вдыхая ставший родным запахом.

– Твои волосы пахнут короной.

– Я не сомневаюсь. Думаю, прежде мои локоны пахли лучше. Царские обязанности требуют значимого.

Улыбаюсь.

– Я тебя люблю, мое солнышко.

– И я тебя.

Мы все еще говорили на веселой смеси русских и французских фраз, хотя Маша старательно учила язык и делала все, чтобы скорее войти в полноценную роль императрицы Всероссийской. Я ее щадил, и когда видел, что она очень устала, говорил исключительно на французском, мы же не на протоколе, в конце концов, зачем я буду ее мучить? Хотя она и очень старалась. Я бы так не смог.

Закат бросал свои лучи на водную гладь. Мы стояли, глядя в багряные оттенки. Романтика.

– Как дела на фронте? Я чувствую, что все хорошо.

Усмехаюсь краешком губ.

– С чего такая уверенность?

– Ты не в штабе, а со мной.

Хмыкаю.

– Удивительно, но действительно все довольно хорошо. Все бомберы отбомбились, немецкие и прочие крейсера потоплены в Стении, армия Каледина прорвала фронт и дви-

жется вдоль черноморского побережья, опрокидывая один форт за другим. Многие форты либо заняты отрядами Слащева, либо выведены из строя. Армии Брусилова просто вспороли оборону 1-й османской армии. Я надеюсь на то, что в ближайшие два-три дня наша армия сможет устранить османскую армию как серьезную силу в европейской части между нынешней болгарской границей и Босфором. И представь, забавный случай, капитан ССО Емец просто купил у турок три моста через Марицу!

– Купил? Seriously?

Я рассказал эту историю, и мы с Машей рассмеялись.

– Миша, этого капитана ведь ты наградишь?

– Разумеется. И награжу, и уже подписал его производство в подполковники.

– Правильно.

Мы некоторое время помолчали, глядя вдаль и слушая плеск волн у наших ног.

– А что тебе снилось сегодня?

– Что?

– Когда я тебя разбудила, ты буквально вскричал: «О нет! Такой сон!»

– Ах, это...

Я лихорадочно размышлял. Вообще, с этим всем что-то делать было явно надо, ведь я могу думать о чем угодно и шифроваться как угодно, но я не Штирлиц, а, скорее, радистка Кэт, и во сне или спросонку могу брякнуть все что угод-

но. Как это и произошло сегодня. Да и, извините, вряд ли умная девочка Маша не замечает каких-то несоответствий или странностей в моих действиях и даже мыслях. Пусть мои генералы и прочие сановники молчат, но... В конце концов, они же не спят со мной, а Маша спит.

И да, кстати, я еще и начал к тому же активно ломать сложившиеся стереотипы и правила. Ну не нравится мне современная женская одежда и уж тем более это жуткое прости господи белье. Да и спать раздельно, как подобает добропорядочным супругам, мне не нравилось. Потому спали мы в одной кровати и безо всяких там лишних условностей. Да и в постели... А это, в свою очередь, наверняка рождало некоторые вопросы у моей благоверной Маши.

– Мне вроде как снилось будущее. Словно прошло много-много лет, но мы с тобой точно так же молоды, разве что одежда на нас другая. Большой аэродром и здания вокруг него огромные. Все такие из стекла и камня. Мы вроде как ждем объявления на посадку, и тут нам ее объявляют. На рейс «Имперских аэролиний» по маршруту Москва – Царьград. Мы выходим из здания, и нас ждет красный дирижабль со Звездой Богородицы на борту.

– А в чем я была одета?

Я даже запнулся от такого вопроса. С одной стороны, чисто женский вопрос, а с другой – как на него ответить? Ты, дорогая, была в легком обтягивающем платье короче некуда?

– Там, во сне, была какая-то другая мода. Люди одеты бы-

ли очень и очень легко, совсем не так, как сейчас. А многие молодые женщины, видимо, подражали каким-то античным мотивам, во всяком случае, на многих были какие-то совершенно короткие туники или что-то похожее. И путешествовали мы совсем не официально, во всяком случае никаких парадов и прочего там не было. Впрочем, это ведь просто сон, а в них, как ты знаешь, не всегда имеет смысл искать логику.

Маша смотрела на меня странно, и я поспешил добавить:
– Вот только не говори мне сейчас о сумасшествии. Я, между прочим, и жив до сих пор во многом только благодаря таким вот снам. В ночь на 27 февраля сего года приснился мне сон, что брат мой Николай отрекся от престола, что случилась революция и гражданская война, Россия утонула в крови, а меня самого убили выстрелом в затылок на краю какой-то шахты. И можешь смеяться, но я верю в то, что если бы я не поспешил принять меры, то все бы так и случилось.

– Именно потому ты тогда полетел на аэроплане к брату?
– Да, именно потому. И пришел в отчаяние, когда он отказался мне верить.

Она вздохнула и кивнула.

– А я тебе верю.

– Почему?

– Чувствую, что ты часто видишь подобные сны. Ты совсем не такой, как другие. Словно открыто тебе что-то такое, чего не видят и не знают все остальные. И потом, в истории

это уже было.

Я удивленно посмотрел на нее.

– Это когда же?

– Думаю, что много раз. Сколько было пророков и предсказателей, да и многие великие люди видели особые сны, я читала об этом. Правители, ученые, музыканты, поэты. Или вспомни хотя бы библейскую историю о том, как фараону приснились семь тучных коров и семь тощих коров, и то, как тощие коровы съели тучных. Тогда этот сон верно истолковали, что грядут в Египте «семь тучных лет и семь тощих лет». Фараон прислушался к толкованию и подготовился к грядущему голоду. Ты тоже такие сны видишь?

Честно сказать, я не рассматривал вопрос в таком контексте, но этот поворот меня вполне устроил.

– По-разному. Иногда какие-то обрывочные видения, а иногда все очень ярко и четко, как будто я там действительно побывал.

– Именно поэтому ты так готовишься к страшной эпидемии в будущем году?

Вдыхаю.

– Я не знаю, солнце, что тебе и сказать на это. Мне не дано знать будущее, я не пророк и не оракул. Иногда мне приходят сны. Порой прекрасные, но нередко и ужасные. Возможно, это какие-то предупреждения оттуда, – тыкаю пальцем куда-то в вечернее небо, – и я не могу себе позволить пренебречь этим, раз Он призвал меня на царство. Вероят-

но, у Него были на это свои резоны. Как и на эти сны. Мне несколько раз, как тому фараону, снилось, что грядет мор и эпидемия, что начнется она весной и продлится два года. Но когда именно это произойдет, я не знаю. Могу лишь предположить, что случится это в истощенной Великой войной Европе, как обычно это и бывало в истории. Потому я и готовлюсь, ведь война эта, так или иначе, скоро закончится. Более того, я пытаюсь ее закончить до весны, чтобы солдаты успели вернуться домой, а не развозили заразу по всей империи. Я каждый день молю Бога, чтобы это был лишь дурной сон, вызванный тяжелым ужином, но...

Маша зябко поежилась.

– Как это ужасно...

Она спрятала лицо у меня на груди. Нежно глажу ее волосы. Блин, вот такая вот у нас романтика, мать ее за ногу...

Жена вдруг всхлипнула.

– Я так боюсь...

Крепко обнимаю и шепчу успокоительные слова:

– Я напугал тебя, Машенька? Не бойся, солнце мое родное, я никому не дам тебя обидеть. Все будет хорошо, и я сумею нас защитить. В конце концов, фараон же спас в итоге Египет, приготовившись заранее к голодным годам. И я смогу, верь мне...

Что я несу? Как можно подготовиться к такому? Не факт, что и через сто лет справились бы со всем тогдашним уровнем науки, техники и медицины, а что я могу сделать в мире,

где нет даже антибиотиков, не говоря уж про все остальное?

Разумеется, я готовился. Делал все возможное и невозможное. Министр спасения принц Ольденбургский подошел к вопросу со всей серьезностью, а я выделял ему все ресурсы, какие только мог. Создавались больницы, готовились карантинные меры, под соусом служения открывались курсы фельдшеров и сестер милосердия, за рубежом искали специалистов. В той же Франции Мостовский и графы Игнатьевы развернули настоящую охоту за головами, вербуя в разоренной войной и смутой стране не только инженеров, ученых и прочих специалистов, но и врачей всех профилей, заключая с ними контракты на работу в России. Но главное, действительно, войну нужно срочно заканчивать и массу народу вернуть по домам до начала активной фазы пандемии.

– Машенька, мы же с тобой император и императрица, верно? Кому, как не нам, сделать все, чтобы страна наша как следует подготовилась, если Он все же не пронесет чашу сию мимо. У нас есть почти год, так что вытри слезки и успокойся.

– Я боюсь за наследника. Это так ужасно, родиться в таком мире...

Осторожно приподнимаю ее голову и вопросительно смотрю в наполненные влагой глаза. Маша мой невысказанный вопрос поняла правильно и покачала головой:

– Я... Я не знаю пока. Но я очень надеюсь. Хотя, возможно, я просто этого слишком хочу и выдаю желаемое за дей-

ствительное.

– Есть признаки?

Она неуверенно кивнула.

– Что говорят доктора?

– Ничего. Пока не о чем говорить, и я им не говорила. Еще рано. И ты не говори, хорошо?

Молча и нежно обнимаю жену. А что тут скажешь? Только одно.

– Я тебя очень люблю, мое солнышко.

– И я тебя...

Мы постояли обнявшись, пока наконец Машенька не подняла голову и не спросила с лукавой улыбкой:

– Так ты не ответил, в чем я была одета в твоём сегодняшнем сне? Судя по твоему рассказу о моде, я была почти голый, так получается?

Качаю головой.

– Нет, голый ты не была. Ты была очень красивой, и платье тебе очень шло.

Девушка капризно надула губки и потребовала:

– Ну, расскажи подробнее! Мне же интересно!

По крайней мере, эта тема мне нравилась больше, чем разговор о том, что от пандемии испанки в ближайшие два года погибнут сто миллионов человек. И я жестом фокусника достал из кармана кителя блокнот и карандаш.

– Давай я лучше нарисую.

И уверенными движениями стал быстро набрасывать ри-

сунок стройной девушки в коротком летнем платье. Маша смотрела на рождающееся творение расширившимися глазами, в которых отражались и смущение, и жадный интерес, и даже какое-то возбуждение.

– И ты говоришь, что я была не голая?! Да на мне же не было почти ничего! Как можно выйти на люди с открытыми руками, с голыми ногами и в столь коротком обтягивающем платье? Да я бы умерла со стыда!

Улыбаюсь.

– Ну, в моем сне ты чувствовала себя прекрасно! К тому же когда все вокруг одеты примерно так же, то и воспринимается это иначе. Вот, смотри.

И я быстрыми движениями начал набрасывать разнообразно одетых пассажиров, идущих к дирижаблю из здания аэропорта. Но блокнот был небольшим, все на одном развороте не поместилось, пришлось переходить на другую страницу.

Императрица заворуженно смотрела на рисунок.

– Да, странная мода. Пугающая, но интересная. А ты хорошо рисуешь, я даже узнаю себя в этой барышне.

Заканчивая рисунок, отвечаю несколько рассеянно:

– Еще бы, я все ж таки художественную школу закончил.

– Я не знала. А когда и где ты учился?

Блин, Штирлиц выискался. Отвечаю с деланой небрежностью:

– А, тогда, в прошлой жизни. Давай я лучше нарисую твой

портрет! Стань вот так, чтобы свет хорошо падал. И не шевелись.

И не давая ей возможности что-то еще спросить, начал быстро делать набросок. Через несколько минут Маша уже в восторге хлопала в ладошки:

– Ты молодец! Очень похоже! Я тут даже красивее, чем в жизни!

– Нет, в жизни ты еще прекраснее!

Она еще раз перелистнула страницу и вновь принялась изучать мой сон.

– погоди, но тут нет тебя!

– Понятное дело, я же себя не вижу со стороны.

– Так не честно! Нарисуй себя рядом со мной. Я не хочу быть там одна, тем более в таком вот ужасном виде.

– Пожалуйста. Только вид у тебя здесь прекрасный.

Я быстро пририсовал мужскую фигуру рядом с Машей. Ничего экстраординарного. Рубашка да джинсы. Правда, ноутбук в руках меня нынешнего смотрелся нелепо. Но жена не обратила внимания на ноут, очевидно, приняв его за какую-то книгу, и лишь кивнула удовлетворенно.

– Вот теперь мы вместе.

– Да, любимая.

– Только все равно я тут голая. Странная мода.

– Уж поверь, солнце, для людей из будущего наша нынешняя мода выглядит еще более странно.

Девушка придирчиво осмотрела себя, словно видя впер-

вые. Потом посмотрела на «себя» на моем рисунке. Наконец она спросила:

– А нарисуешь мне еще такие картинки из будущего?

– Обязательно. Все, что вспомню.

И, оценив ее блестящие глазки, добавляю:

– И пойдем-ка уже в дом. Думаю, мы найдем, чем там заняться.

– А, пойдем! И ты мне там еще порисуешь. Я хочу видеть себя в различных платьях из твоих сновидений. Это так интересно!

– Все, что захочет моя прекрасная любовь!

Смеясь и обмениваясь шуточками, мы стали подниматься по лестнице к дворцу.

Пламя небес угасало позади нас. Над Черным морем опускалась летняя ночь, переворачивая страницу первого дня эпической битвы.

Дня, когда творится история.

Глава III

Пишите письма!

Послание императору Всероссийскому.

20 августа 1917 года

Дорогой Майкл!

Позволь мне искренне поздравить тебя и твой народ со столь блистательной победой в бухте Стения. Весь цивилизованный мир рукоплещет твоим авиаторам и воздухоплавателям, которые сумели нанести нашим общим врагам столь чувствительный урон. Мужество, доблесть и высокая выучка, показанная русскими пилотами, заслуживают самой высокой оценки.

Победы на всех фронтах вселяют надежду и позволяют с оптимизмом смотреть в будущее, где, вне всякого сомнения, нас ждет славная общая победа в Великой войне.

Переход Болгарии на сторону держав Антанты коренным образом изменил расклад сил на южном фланге Великой войны, и на Балканах возникло количественное превосходство союзных сил над войсками Центральных держав, которые сейчас

вынуждены спешно отходить и готовить новую линию обороны значительно севернее существующей.

Наше наступление на Балканах, вне всякого сомнения, принудит Германию и Австро-Венгрию перебрасывать войска с Западного и Восточного фронтов, что создает определенные перспективы для успешного наступления в России и во Франции, имеющего стратегическую цель – освобождение оккупированных немцами территорий, что, как мне представляется, является сейчас самой главной задачей, которая стоит перед нами.

В связи с этим видится стратегически верным перевод лишних войск с южного фланга непосредственно на участки фронта в местах, которые требуют скорейшего освобождения от оккупации. Тем более что в связи с отходом германских и австро-венгерских войск вопрос освобождения оккупированных балканских стран представляется практически предрешенным в самое ближайшее время.

Руководствуясь этими соображениями и по согласованию с генералом Петеном, наше военное командование приняло решение о выводе с Балкан британо-французского экспедиционного корпуса. Вопрос освобождения Парижа, Бургундии, Шампани, Пикардии и Бельгии не терпит отлагательств. Французы, бельгийцы и русские не могут далее оставаться под тяжестью германского сапога.

Отдельно хочу заметить, что столь спешная наступательная операция против Османской империи

в этой связи представляется преждевременной, а столь большая концентрация сил на столь второстепенном для решения стратегических задач театре Великой войны выглядит явно избыточной при нерешенном вопросе по освобождению от оккупации собственных территорий и собственных подданных. Тем более что ситуация в районе русского Северного фронта представляется не только весьма сложной, но и угрожающей.

На основании изложенного выше, мне представляется целесообразным срочно начать консультации по вопросу координации боевых действий союзников в этом году и о планах на кампанию 1918 года. Причем это дело не терпит отлагательств и должно начаться в ближайшие дни. Поэтому предлагаю не откладывать вопрос и дать указание нашим представителям начать консультации сначала в узком составе, дабы не терять времени и не ждать прибытия представителей всех членов Антанты. Лучшим местом проведения таких переговоров мне видится твоя новая столица Москва, поскольку там сейчас находится спецпредставитель президента США Герард и французский генерал Жоффри, а лорд Милнер через двое, максимум трое суток будет в Москве. Назначь своего представителя, и мы можем начинать.

Прими и проч.

Твой кузен Джорджи Сандрингем-хаус, 20 августа 1917 года

***Письмо императора Всероссийского Георгию
графу Брасову. 7 (20) августа 1917 года***

Привет, сын!

Сегодня наконец-то смог выкроить время и прочитать твое письмо, которое ты адресовал Маше. Я очень рад, что у тебя все хорошо.

У нас тоже все неплохо, если считать за «неплохо» ход наступления, о котором, впрочем, ты и так наверняка осведомлен. Жаль, что на «отдых в Крыму» у нас времени не остается совершенно. Это я шучу, как ты понимаешь.

Хочу спросить твое мнение о том, чтобы привезти в завоеванный Царьград лучших твоих соучеников из Звездного лицея. Впрочем, ты должен сюда прибыть в любом случае, поскольку у меня есть для тебя небольшой сюрприз.

Пиши чаще. Я буду выкраивать время и отвечать.
Твой любящий отец

**Из сообщения Российского телеграфного
агентства (РОСТА). 7 (20) августа 1917 года**

Продолжают поступать поздравления из-за рубежа по поводу побед русского оружия. Его Императорское Величество Государь Император Михаил Александрович получил

приветственное послание от Его Величества Короля Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии Георга V. Канцелярия ЕИВ предоставила в распоряжение нашего агентства текст этой телеграммы:

«Дорогой Михаил!

Позволь мне искренне поздравить тебя и твой народ со столь блистательной победой в бухте Стения! Весь цивилизованный мир рукоплещет твоим авиаторам и воздухоплатателям, которые сумели нанести нашим общим врагам столь чувствительный урон. Мужество, доблесть и высокая выучка, показанные русскими пилотами, заслуживают самой высокой оценки.

Победы на всех фронтах вселяют надежду и позволяют с оптимизмом смотреть в будущее, где, вне всякого сомнения, нас ждет славная общая победа в Великой войне.

Прими и проч.

Твой кузен Джорджи Сандрингем-хаус, 20 августа 1917 года».

В ответной телеграмме Его Императорское Величество Государь Император Михаил Александрович тепло поблагодарил короля Георга V:

«Дорогой Джорджи!

Благодарю тебя за твое теплое письмо и искренние поздравления! Я счастлив и горд от осознания того, какие герои служат в Русской императорской армии и в Российском императорском

флоте! Доблесть и британских солдат несомненна, а подвиг бронедивизиона адмиралтейства под Двинском вызывает неподдельное восхищение!

Прими и проч.

Твой кузен Михаил Севастополь, 7 августа 1917 года».

Послание королю Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии.

7 (20) августа 1917 года

Дорогой Джорджи!

Благодарю тебя за твое теплое письмо и искренние поздравления! Я счастлив и горд от осознания того, какие герои служат в Русской императорской армии и в Российском императорском флоте! Доблесть и британских солдат несомненна, а подвиг бронедивизиона адмиралтейства под Двинском вызывает неподдельное восхищение!

Теперь о деле.

Нет сомнений в том, что освобождение оккупированных территорий является важнейшим заданием для всех держав – участниц Антанты. К сожалению, отдельные территории и целые страны стали жертвами войны и были оккупированы противником. Но можно уже смело утверждать, что 1917 год стал переломным в этой войне и чаша весов

окончательно качнулась в нашу сторону.

Я согласен с тобой в том, что освобождение русских и французских территорий должно быть в приоритете у Москвы и Орлеана. Согласен также с тем, что ситуация на Балканах должна заставить Германию и Австро-Венгрию перебрасывать на этот фланг дополнительные силы, выводя их с русского и французского фронтов. Однако явное ослабление натиска с юга вызывает у меня серьезное беспокойство, ведь пока в Берлине и Вене не ощутят серьезнейшую угрозу обрушения всего полуторатысчекилометрового фронта от Альп и до Карпат, до тех пор трудно ожидать начала панического перебрасывания сил с других участков, в том числе с занятых врагом территорий России и Франции, и тем самым не создаются условия для скорейшего освобождения наших земель. Ведь в настоящее время ни у Франции, ни у России нет сил прорвать германскую оборону. Поэтому сейчас главное для нас именно наступление на юге, именно удар в мягкое подбрюшье Австро-Венгрии, который и должен заставить наших противников не только уменьшить свою группировку на Востоке и Западе, но и начать отступление, выпрямляя линию фронта на всем его протяжении, ведь только так они смогут меньшим числом войск удерживать свой фронт от прорыва.

Тем большее беспокойство вызывают у меня планы Лондона и Орлеана вывести свои контингенты с Балкан. Понимаю, что Франции и Британии остро нужны войска в Нормандии, Ирландии и Палестине, но немедленный

их отзыв фактически лишает нас возможности в этом году не только освободить Сербию и Черногорию, но и вообще выбить Австро-Венгрию из войны. Более того, уменьшение натиска на Балканах, вероятнее всего, поставит под вопрос освобождение в этом году оккупированных территорий России и Франции. Не говоря уж о том, что вывод британского и французского контингента произведет отрицательное впечатление на наших союзников и может послужить причиной снижения их желания активно воевать.

Теперь что касается консультаций и переговоров. Насколько мне известно, в Орлеане действует объединенный штаб союзных войск Антанты, который призван координировать действия армий союзников на всех фронтах. Дублирование задач этого штаба представляется излишним. Тем более что координация там осуществляется в текущем режиме и нет никакой необходимости ждать несколько дней и представителям всех союзников срочно ехать в Москву.

Я согласен с тем, что со времени окончания Петроградской конференции союзников прошло много времени и в корне изменилась вся расстановка сил и степень участия каждой державы в общей войне. Действительно, многие аспекты и решения этой конференции требуют уточнения, особенно с учетом того, что в войну на стороне Антанты вступила Болгария, и ее интересы также следует отразить в общем решении.

Возможно, провести новую конференцию

действительно необходимо. Однако срочность ее проведения вызывает у меня определенные сомнения. Кроме того, уровень представительства от США и Италии видится мне недостаточным.

Посему будет полезно указанным в твоём письме лицам начать предварительные консультации в части подготовки конференции глав государств и правительств стран Антанты. На этой конференции предлагаю рассмотреть и принять планы военной кампании на будущий 1918 год, а также актуализацию решений об интересах каждой из держав. Предлагаю провести такую конференцию на высшем уровне в Ялте в октябре сего года, о чем и направляю свое приглашение тебе, а также моему царственному тестю в Рим, генералу Петену, президенту Вильсону и всем главам государств Антанты.

Прими и проч.

Твой кузен Майкл Севастополь. 7 (20) августа 1917 года

Письмо Ивана Никитина матери.

7 (20) августа 1917 года

Дорогая матушка!

Пишу Вам это письмо и не знаю, дошли ли до Вас мои прошлые письма, ведь с почтой в глубинке все еще перебои. Во всяком случае, ни одного письма от

Вас за последние два месяца я пока не получил и очень беспокоюсь о Вас. Постараюсь при первой же возможности вырваться домой на побывку или хотя бы попросить кого заехать с оказией.

Вкратце опишу события моей жизни, что произошли с того самого момента, когда я получил письмо от Вас.

Я все еще в Москве, хотя Школу агитаторов Корпуса служения я уже закончил и должен был быть направлен в одну из губерний для организации работы с населением. Но, как оказалось, меня заметили люди из Министерства информации и добились моего перевода к ним. Так что теперь я еще учусь не только говорить, но и писать так, чтобы всем было понятно и было понято правильно.

Однако мы не только учимся. Нас часто отправляют выполнять задания по работе с людьми, а иногда привлекают для обеспечения безопасности, так что я несколько раз вблизи видел государя и нашу молодую государыню. Хотя народ их очень любит, но все же есть и те, кому правление нашего благословенного императора явно поперек горла стало, и опасность очередного покушения все еще велика. Поэтому нас и отправляют высматривать возможных бомбистов и следить за порядком в толпе во время проезда государя.

Зато я теперь детям и внукам своим смогу рассказывать о том, как я был на венчании и коронации их императорских величеств.

Очень жду весточек от Вас,
Ваш любящий сын Иван

*Личное письмо императору Всероссийскому
от короля Италии. 20 августа 1917 года*

Дорогой Михаил!

Сердечно приветствую тебя!

Твое сегодняшнее сообщение о том, что Франция и Британия выводят свои войска с Балкан, всерьез обеспокоило меня. Я согласен с твоими предположениями, что как минимум британцы отправятся вовсе не в Нормандию, а прямиком в Палестину, а это, как ты понимаешь, создает проблемы нашим с тобой согласованным планам в этом регионе.

Нельзя допустить того, чтобы Иерусалим попал под британский мандат.

В этой связи я повелел готовить срочную отгрузку туда всех возможных итальянских сил, что неизбежно повлечет вывод некоторых войск из Окситании и с Австро-Венгерского фронта, а это, как ты сам понимаешь, неизбежно ограничит наступательные возможности моих армий на Балканах, но Иерусалим стоит того.

Хотел отдельно тебя поздравить с успехом твоей армии в Восточной Фракии и в Проливах. Разгром в Стении войдет в учебники по военному искусству, а действия твоих сил специальных операций вызывают искреннее восхищение. Мой Генштаб уже озабочился созданием аналогичных подразделений в итальянской

армии.

Как вы там с Иоландой? Никак не привыкну к тому, что она теперь Мария. Хотя это одно из ее имен, но все же. Все ли у вас хорошо?

Вернувшаяся в Рим высокая делегация рассказывает много удивительных историй о своем пребывании в России и в Москве, а ваша свадьба в Марфино уже стала легендой в Риме и долго оставалась главной темой всех разговоров.

Но не буду отвлекать тебя лирикой, на это найдется время и позднее. Искренне надеюсь на нашу скорейшую встречу в завоеванном тобой Константинополе или в Иерусалиме.

Передавай привет моей дочери,
Виктор Эммануил
Королевский поезд, Италия.
20 августа 1917 года

Письмо Иосифа Джугашвили (Сталина)⁸

*В Петроград, дом 17-а по 10-
й Рождественской улице*

Письмо для Аллилуевой Ольги Евгеньевны

Отметка военной цензуры: *прочитано, допущено.*

Глубокоуважаемая Ольга Евгеньевна, скоро четыре месяца, как освобожден я из ссылки. Но снова без всяких причин был поставлен под административный надзор и потому никак не мог приехать в Петроград и лично поблагодарить Вас с Сергеем⁹ за все.

Очень-очень Вам благодарен за Ваши добрые и чистые чувства ко мне и помощь в самую трудную для меня минуту. С самого февраля, как вызвали меня для призыва, я жил в Красноярске у Каменева¹⁰. После окончания ссылки засобирались

⁸ Текст Виталия Сергеева.

⁹ Сергей Яковлевич Аллилуев – старый социал-демократ, работавший со Сталиным еще в Тифлисе, на момент книги управляющий одной из подстанций Петрограда. Муж адресата.

¹⁰ Лев Борисович Каменев (Розенфельд) – российский революционер, советский партийный и государственный деятель. Видный большевик, один из старейших соратников Ленина. В ноябре 1914 года арестован и сослан в

мы в Москву. Лев Борисович уезжал первым и оставил мне оплаченную до мая комнату. Перестав получать арестантские и посылки от друзей и родных, финансовые обстоятельства мои были затруднены, но спасибо Вам с мужем, что поддержали меня тогда пятнадцатью рублями. Но поехать тогда мне было не суждено. Вскоре после Пасхи меня снова доставили в участок, и там, допросив, предписали до особого распоряжения из Красноярска не отлучаться. Тогда я узнал, что и Лев Борисович смог добраться только до Омска¹¹.

Многие товарищи тогда не подчинились, но их судьба вразумила меня воздержаться. В мае я остался без комнаты и перебивался случайными уроками, пару раз даже спал тайно у товарищей в паровозных мастерских. Но приютили они меня только из сострадания. Я видел, как освобожденчество овладевает ими, отчего вынужден был уйти. Просить Вас тратить больше на меня не стал: Вам деньги самим нужны.

Доведенный до крайней нужды, к стыду моему, принял я на Иоанна Богослова¹² предложение отца

Туруханский край.

¹¹ Автор иносказательно намекает на аресты и допросы видных революционеров после Кровавой Пасхи. В отношении снятого в Омске с поезда и заключенного в тюрьму Розенфельда следствие длилось более полугода. В части остальных был продлен административный арест, пытавшихся же уехать с места бывшей ссылки вылавливали и отправляли доотбывать ее в Якутскую область. При этом, понятно, без денежного содержания.

¹² 8 (21) мая – праздник апостола Иоанна Богослова.

Никодима. Мы оказались с ним знакомы по Тифлисской семинарии, и он, увидев бедственное положение мое, предложил пожить при храме, помогая ему псаломщиком. Странно, с семинаристских времен мне было так поначалу горько, а потом спокойно. На мое удивление, поддержку нашел я в тех, от кого меньше всего ее ожидал.

Отец Никодим проникся ко мне, предлагал положить меня в дьяки или найти к осени место народного учителя¹³. Он похлопотал за меня в полиции и у коменданта, и в начале июля я снова был вызван на призывной пункт. Там мне предложили пойти вольноопределяющимся в 7-ю Сибирскую воздухоплавательную роту, отбывающую в конце июля на фронт. Я не без облегчения согласился. Служба за кров и хлеб у отца Никодима меня уже тяготила, да и иной дороги домой у меня не осталось.

Вот уже третий день мы проезжаем Сибирь, и я учу уставы и метеорологические наставления. Нашлась-таки у страны и для меня косорукого служба¹⁴.

На какой фронт едем мы, нам не говорят. Вначале думал, что скоро смогу даже увидеть маму, но, похоже,

¹³ И. В. Джугашвили в 1894–99 годах учился в Тифлисской духовной семинарии. В выданном ему свидетельстве значилось, что он окончил четыре класса и может служить учителем начальных народных училищ.

¹⁴ В 1885 году Иосифа сбил фаэтон, мальчик получил сильную травму руки и ноги; после этого на протяжении всей жизни его левая рука не разгибалась до конца в локте и поэтому казалась короче правой. С конца декабря 1899 года до марта 1901 года адресант в качестве вычислителя-наблюдателя работал в Тифлисской физической обсерватории, занимаясь наблюдениями за погодой.

я скорее увижу Федора¹⁵. Передам привет их теперь благородию.

Как за эти годы истосковался я по горам своим. В этом проклятом крае природа скудна до безобразия – летом река, зимой снег, это все, что дает здесь природа.

Мой привет ребятам и девицам. Желаю им всего-всего хорошего.

Чувствую себя хорошо. Здоров вполне, должно быть, привык уже к здешней погоде.

До следующего письма,
*Уважающий Вас Иосиф,
младший унтер-офицер 7-й Сибирской воздухоплавательной
роты*

Послание императору Всероссийскому.

20 августа 1917 года

Дорогой Майкл!

Полностью разделяю твое мнение о том, что натиск на Балканах не должен быть ослаблен, поскольку является залогом скорейшего освобождения оккупированных территорий Франции, России, Бельгии и самих стран региона. Однако острая нехватка войск

¹⁵ Имеется в виду Федор – сын С. Я. и О. Е. Аллилуевых, в марте 1917 г. закончивший отдельные гардемариинские классы (ОГК) Морского корпуса. В чине инженера-механика-мичмана служил на Балтике.

во Франции и неопределенность сроков прибытия в Нормандию экспедиционного корпуса США заставляет начать вывод британско-французского контингента с Балканского полуострова.

В свою очередь, ты имеешь возможность поддержать дело союзников в этом регионе, перебросив несколько армий с второстепенного по значению направления. Османская империя более не представляет собой серьезной военной силы и не требует столько войск.

Более того, вопрос судьбы Османской империи правильнее было бы отложить и вынести на обсуждение во время проведения предлагаемой тобой конференции на высшем уровне, идею которой я полностью поддерживаю. Думаю, что всестороннее и вдумчивое рассмотрение вопроса раздела Османской империи помогло бы избавить весь регион от будущих противоречий и трений не только среди местных народов, но и между великими державами, имеющими интерес в этой части света. И уже по итогам этой конференции Антанта должна будет продиктовать османам свои условия.

О времени и месте проведения конференции на высшем уровне, возможно, следует провести дополнительные консультации.

Прими и проч.

Твой кузен Джорджи Сандрингем-хаус, 20 августа 1917 года

Личное письмо императрицы Всероссийской

королеве Италии. 7 (20) августа 1917 года

Здравствуй, мама!

Получила вчера письма от тебя и от отца, за которые вам искреннее спасибо. Я так поняла, что отец вновь выехал в Ставку, и я решила не беспокоить его своим письмом. Верю, что ты ему все передашь.

У меня и у нас все хорошо, хотя, не скрою, мне все еще очень тяжело учить новый язык и тем более взваливать на себя новые державные обязанности. Благо мне помогают те уроки жизни, которыми вы меня буквально трети́ровали, за что теперь я вас искренне благодарю, поскольку без этих, не скрою, весьма жестоких уроков я вряд ли бы сейчас справилась. Как говорит мой благословенный муж – тяжела корона Мономаха. Это один из прародителей русской династии.

Впрочем, это все пустяки. Россия совершенно удивительная страна и мало чем похожа на нашу старую добрую Италию. И хочу заметить, что часто сравнение отнюдь не в пользу моей милой Италии, да простят меня мои соотечественники. Да, в России есть много ужасного, много просто плохого, много есть такого, о чем в высшем свете предпочитают даже не говорить, но,

как я теперь уверена, именно России суждено первой шагнуть в будущее, неся миру новое понимание того, как следует жить и к чему стремиться. И главным в создании этого будущего выступает мой царственный муж Михаил. Так что, как вы понимаете, я здесь в самом центре всех событий и преобразований.

К сожалению, война накладывает свой отпечаток на нашу семейную жизнь. Вот уже почти неделю мы вынуждены жить на территории тайного командного центра, откуда мой Михаил и руководит русской армией. В корреспонденции указано «город Севастополь», но это отнюдь не так, как ты прекрасно понимаешь. Но это все сущие мелочи, на которых вовсе не стоит заострять свое внимание.

У меня теперь весьма много обязанностей, в том числе и вопросы, которые относились к ведению прежней императрицы Марии – августейшей матери моего благословенного мужа. Она весьма серьезно относилась к благотворительности и опеке, так что я никоим образом не могу быть хуже ее. Тем более что августейший муж мой часто говорит о том, что он хотел бы расширить роль императрицы в жизни России и вообще дать женщинам империи все шансы стать в один ряд с мужчинами.

Он очень чудесный, мой Михаил. Поверь мне. Я так счастлива. Я так боялась, и я так сейчас счастлива. Верю, что ты поймешь меня и будешь за меня рада. Он готов буквально на руках меня носить, что, впрочем, часто и делает. Быть может, не пристало воспитанной

даме писать о таких вещах, но это так.

Я так мечтаю поскорее подарить ему наследника! Это очень важно и для него, и для империи, и, как ты понимаешь, для меня. Я каждый день молюсь Пресвятой Богородице, моля ее скорее послать нам здорового мальчика, ведь это так важно для стабильности государства, впрочем, ты и сама это знаешь.

Я с замиранием сердца каждый день прислушиваюсь к себе. Я молю Господа Бога о том, чтобы мои ощущения не были лишь пустыми фантазиями.

Помолись и ты Деве Марии, чтобы мои надежды не были напрасными.

Твоя любящая дочь

Мария

***Послание королю Соединенного
Королевства Великобритании и Ирландии.***

7 (20) августа 1917 года

Дорогой Джорджи!

Благодарю тебя за поддержку моего предложения о проведении конференции на высшем уровне. Нам всем действительно необходимо подвести итоги кампании 1917 года и наметить планы на год 1918-й. Согласен и с тем, что вопрос раздела Османской империи

следует повторно рассмотреть, уточнив некоторые положения Петроградской конференции этого года, актуализировав, в частности, вопросы зон оккупации и сфер ответственности союзников по поддержанию порядка в бывшей Османской империи.

Скорейшее завершение операции против турок позволит России и Болгарии быстрее принять более активное участие в натиске на Австро-Венгрию со стороны Балкан, что должно вынудить АВИ и Германию начать вывод войск из оккупированных территорий России и Франции, а также позволит освободить всю Сербию, Албанию и Румынию.

Что касается места проведения конференции, то Ялта, как мне представляется, подходит лучше всего, поскольку не только благоприятна по климату, но и удобна для прибытия всех наших, в том числе и заморских коллег. Впрочем, согласен, что вопрос места проведения нужно дополнительно проработать и обсудить.

Прими и проч.

Твой кузен Майкл

Севастополь, 7 (20) августа 1917 года

*Письмо специального доверенного
посланника президента США¹⁶*

*Советнику президента США
Эдварду Манделу Хаузу¹⁷*

Белый дом, Вашингтон, округ Колумбия

Дорогой Эдвард!

Всего третью неделю я в России. Но такой далекой мне уже кажется напутственная беседа с президентом Вильсоном. Я провел тогда с ним больше часа. После беседы с Вами в Нью-Йорке я был встречен в Джерси-Сити комитетом, возглавляемым знаменитым юристом Джоном Б. Стенчфилдом; Кларенсом Маккеем, Гербертом Своупом – золотым пером «Нью-Йорк уорлд», маршалом Соединенных Штатов Томасом Д. Маккарти, сенатором штата Фоули Джеймсом Дж. Хоуи – верной троицей хороших друзей, которые провожали меня в Данию чуть более года назад.

Потом были тревожные дни плавания, омраченного

¹⁶ Текст Виталия Сергеева.

¹⁷ Эдвард Мандел Хауз – советник президента САСШ Вудро Вильсона, известен также как полковник Хаус.

угрозами германской «неограниченной войны». Несколько уверенности нам придавал наш конвой. И в целом мы нашли «Инфанту Изабеллу» чистым великолепным кораблем – ее капитан был компетентен и добр. Я охотно рекомендую ее всем, кто желает благополучно пересечь Атлантику во время войны.

Нас встретил гнетущий своими серыми бараками и низким небом Романов-на-Мурмане, названный в честь правящей Россией династии. Но после долгого и опасного пути меня с попутчиками охватила радость от долгого и яркого дня и твердой земли под ногами. Потом был казавшийся вечностью трехдневный путь до Москвы, когда радовавшие после тревожных бурь волн вечнозеленые леса начинали тяготить. Но это, скорее, было ощущение важности миссии, которая разрешится уже скоро и потому особенно тяжела.

Впрочем, она оказалась даже труднее, чем мы думали. Как Вы знаете, мне до свадьбы и коронации не удалось встретиться ни с царем русским, ни с его канцлером. Встречи же с компаньонами наших доверителей тоже были неудачны. Все относились настороженно. Самуэлю¹⁸ тоже не удалось что-то быстро достичь по своим каналам. Я уже стал разделять впечатление Сэми, что «русские искренние, доброжелательные и хорошие люди, но очень мутные и бестолковые», но Френсисы¹⁹, и особенно Лидли²⁰,

¹⁸ Самуил Бертрон – нью-йоркский банкир, представляющий дом Шиффов.

¹⁹ Дэвид Роулэнд Фрэнсис – посол САСШ в России.

²⁰ Френсис Освальд Лидли – посол Великобритании в России.

разъяснили ситуацию в России. Нам, потомственным республиканцам, трудно понять, сколько завязано здесь на царе. Даже я, год проработавший с кайзером, был удивлен, что без воли и внимания Михаила, кажется, ничто здесь не остается и не происходит. Всего за пять месяцев он так крепко взял власть, почти потерянную его братом, что все серьезные вопросы можно решать только с ним. А в эти дни царю было действительно некогда, но вскоре я стал понимать, что мы, возможно, уже опоздали.

В эти дни удалось преуспеть разве только плившему с нами Моэму²¹. Сомерсет быстро сошелся со своими коллегами по перу и скоро и нас ввел в некоторые их шумные компании. Памятуя о вашей просьбе, я постарался влиться в русскую жизнь, прочувствовать ее, понять... Ожидая высочайшей аудиенции, я попытался окунуться в происходящее в русской столице.

На скоропалительную свадьбу императора и последовавший монарший пикник нас не позвали, как и на саму коронацию. Но эти вести так воодушевленно были встречены толпой, русские так гуляли! Последовавшее за этими событиями празднование юбилея Москвы открыло мне всю широту и удаль русского духа. Я проехал много стран, полковник, но я не видел, где так самозабвенно могут гулять и разделять радость общего праздника. Вскоре я убедился, что не только радость.

²¹ Уильям Сомерсет Моэм – английский писатель и разведчик.

Отшумели гуляния, русские красные знамена и салюты почти ежедневно взвивались от вестей о победах русской армии в Галиции. Я вырос в свободной стране и не чужд журналистике и понимаю, что шеф русской печати Суворин манипулирует этой полудикой толпой, но, господи, – как искусно! Даже меня начали пронимать волны восхищения русским царизмом!

За день до встречи с царем я посмотрел фильм «Осовец». Это нужно посмотреть всем, Эдди! Если до этого момента я негативно, но уважительно относился к немцам, даже возмутительные газовые атаки на население Риги не вызывали у меня ненависти к ним, то после сеанса (титры были на русском и английском) я готов был вместе с русскими рвать прусаков голыми руками. Так нам сейчас нужно снимать! Возвращаясь, я стал чувствовать и понимать, что русский дух нельзя убить! Они, может быть, простодушны, за то дело, что считают правым, будут драться даже мертвые! Я начал понимать, почему английский и бельгийский бронедивизионы бьются здесь за русских даже отчаянней, чем за себя! В России ты неизбежно становишься русским, и в лучших качествах этого народа не можешь помыслить быть не равным ему.

На следующий день меня принял император. Я постарался избавиться от вчерашнего кинонаваждения, но Михаил излучает необъяснимый магнетизм, он тверд и уверен в себе, его английский, скорее даже нью-йоркский, безупречен, и чувство сопричастности русским снова накрыло меня. Мы говорили всего

полчаса, и он, выслушав меня, дал указания своим министрам и комиссарам принять меня для согласования предложений. Его предложение президенту Вильсону приехать и лично обсудить вопросы, подкрепленное таковым же предложением лично к известным тебе людям, ясно показало, что он хочет дружить с Америкой, но мой и даже Роберта²² уровень низок, чтобы он содержательно стал говорить с кем-то из нас.

Выходя от императора, я видел своих непубличных итальянских коллег, позже справлялся о подобных контактах у Стенли²³ и Вильяма. Представительство католических домов здесь максимально высокое, и государь с ними часто говорит лично, наши же английские коллеги и их родственники, представленные послами, удостоились, как и я, единственной краткой аудиенции.

Эдвард! Россия консервативна, но едина и стремительно меняется. Это колоссальный рынок! И президенту нужно приезжать как можно быстрее! Мы можем все упустить!

Сейчас, когда государь уехал в свадебное путешествие, собрав в столице и правых, и левых активистов, нам показалось уместным поговорить и с симпатизирующими американскому пути братьями и сановниками. Все здесь понимают, что цель Михаила сейчас не отдых, а Константинополь, точнее, как

²² Роберт Лансинг – государственный секретарь САСШ, 1915–1920 годы.

²³ Стенли Вошборн – майор американской армии, разведчик.

говорят русские, Cargrad. И после Михаил будет обожаем здесь как мессия. Но наши попытки снова ни к чему не привели. Нам придется говорить с Михаилом! С каждой минутой промедления мы теряем миллионы долларов и рискуем вообще остаться за океаном наедине со своими намерениями.

С уважением,

James W. Gerard

Крым. Дворец Меллас.

Императорский командный пункт.

7 (20) августа 1917 года

«Единые имперские вооруженные силы состоят из Русской императорской армии, Ромейского императорского легиона, Корпуса имперской безопасности, Российского-Ромейского императорского флота и воздушных сил империи. Все силы Имперского Единства объединены под общим командованием. Верховным главнокомандующим всех вооруженных сил является император Имперского Единства России и Ромеи».

«Император Единства не только является монархом каждой империи (и царств), входящих в Единство, но и организует оборону, внешнюю политику и безопасность всего Единства, обладает монопольной монетарной властью. Его власть осуществляется через Е. И. В. Канцелярию, работу которой координирует имперский канцлер, а три вице-канцлера соответственно курируют силовой, дипломатический и финансовый блоки. Председатель правительства Российской

империи и великий логофет Ромейской империи входят в Пленум канцелярии на правах вице-канцлеров, на тех же правах входит в него и статс-секретарь ведомства императрицы Марии, отвечающий за координацию гуманитарной и социальной сфер обеих империй. Великий император своими повелениями назначает на все генеральские (выше 6-го класса), в т. ч. гражданские должности, единоособно волен смещать и назначать руководителей губерний и других единиц имперского подчинения. император имеет исключительное право чеканить монеты и выпускать ассигнации...»

«...Таким образом, армия, госбезопасность, внешняя и монетарная политика – исключительные и неделимые прерогативы великого императора Имперского Единства...»

Я отложил свои черновики и потер усталые веки.

Единый монарх, единые вооруженные силы, единая служба безопасности, единый Центробанк, единая внешняя политика...

Я целый божий день был занят тем, что писал какие-то бумаги или читал оные. Письма, телеграммы, доклады, сводки, приказы, повеления...

Вероятно, так и должен выглядеть день полководца, который выигрывает историческую битву, не так ли? Где вот это все, все эти белые кони, знамена, звуки труб и грохот артиллерии?

Полдня телеграфом переписывался с Джорджи, будь он всячески здоров вместе со своей хитро сделанной диплома-

тией. Понятно ведь, что выводят они войска с Балкан вовсе ни в какую не во Францию, а вполне себе в Палестину, поскольку спешат отхватить от турок как можно больший кусок, с явным беспокойством поглядывая на наши успехи.

Мой венценосный тесть тут же среагировал на мое известие, и, насколько я могу судить, сейчас начинается гонка за Иерусалим и наследие Османской империи. Тот же генерал Радко-Дмитриев передает, что, по имеющимся сведениям, не только британцы с французами засобирались, но и греки явно начали готовить войска к выводу с Балкан и отправке их в Малую Азию. Очевидно, спешат урвать свой кусок исконных греческих земель.

Добавим к этому прущего как танк генерала Юденича, который все ближе к Сирии, да и в Месопотамии наши войска вот-вот войдут в соприкосновение с британцами.

Так что война шла своим чередом на всех фронтах, в том числе и на дипломатическом. И пока у меня не было ни малейших поводов ждать, что все само собой как-то устроится. В то, что России удастся присоединить Проливы только на основании того, что где-то там, на Петроградской конференции, о чем-то там договорились, я не верил.

Британцы, французы и американцы делали все, чтобы затянуть войну и перенести ее окончание на следующий год, и тема с этой Ялтинской конференцией как раз и призвана не только переиграть военные результаты этого года, но и уточнить итоги Петроградской конференции. И если мы не за-

вершим войну в этом сезоне, то к следующему сильные игроки вновь наберутся сил, и нам навяжут договор, который как минимум выхолостит все наши достижения. Какой-нибудь договор о свободе судоходства или международном мандате миссии по управлению Проливами. И получим мы британские или американские корабли прямо у Севастополя.

Да и зоны оккупации Османской империи придется сильно пересмотреть, покинув богатые нефтеносные районы и места, стратегическая важность которых неоспорима.

Поэтому я спешил. Уже были в истории случаи, когда русская армия была вынуждена покинуть предместья Константинополя и уйти несолоно хлебавши под грозные окрики европейских дядь. И переписка с Джорджи показывает, что будут ставить нам палки в колеса и сейчас, даже когда нет сил для этого.

А я хотел застолбить свои права на Проливы и всю зону Восточного Средиземноморья, включая Малую Азию. Легитимизовать обладание Проливами, Западной Арменией, севером Леванта можно только через принятие византийской короны. Но поскольку я юридически не был никаким наследником Византии, я мог получить эту корону только сочетанием военной силы, фактического занятия желаемой территории и получением божественной благодати. И вот тогда оспорить мои/России притязания будет куда сложнее.

Да и для реального статуса главы православия в мире титула императора Всероссийского явно недостаточно. Равно

как и статус Русской православной церкви не обеспечивает достаточную святость новых притязаний. Тут нужен именно император РOMEи, император Восточной Римской империи, нужны главы Вселенской и поместных церквей, и все такое прочее.

До Иерусалима мы не дотянемся, но низводить бриллиант возможностей Царьграда до статуса заштатного портового городишки я не собирался. Не мог я мечту многих поколений просто так профукать в простом мелочном присоединении новых земель к Российской империи.

Это большая игра. Игра на десятилетия.

Имперское Единство. Россия и Ромея. Быть может, вся Евразия. Или весь мир. Да хоть и вся Галактика, название даже не придется менять. Шутка, в которой всегда есть доля шутки.

Кроме того, интеграция завоеванных земель в Россию займет десятилетия, и нет решительно никакой возможности напрямую применять российское законодательство в новых и часто недружественных землях. Нужен переходный период всевластия меня-батюшки, не ограниченного никакими конституциями, правами и прочими свободами подданных. Для одного только массового переселения в Ромею крестьян из российской глубинки потребуется полная абсолютная и незыблемая власть на новых землях. Власть, подкреплённая военной силой русской армии. Тем более что именно демобилизованным солдатам РИА и будет предложено приори-

тетное переселение.

Да и нравились мне выражения «император Единства» и «Империя Единства». Очень уж перспективными были эти понятия. Тут уж играйся как хочешь – «В Единстве наша сила», «Пока мы едины – мы непобедимы!», не говоря уж про единство партии... эмм... императора и народа.

И конечно же, наша новая идеологическая триада государственности: «Освобождение. Служение. Единство».

Единство общества и единство интересов всех членов общества в процветании всего народа и государства.

Суворину будет где развернуться...

Но война продолжалась не только на бланках телеграмм. Второй день турецкой кампании не принес особых неожиданностей. Наступление развивалось своим чередом, не создавая особых проблем и не давая поводов для особых волнений. Основные силы Царьградского фронта успешно прорвали оборонительные позиции 1-й османской армии и фактически разделили ее на три группы. Болгарские 2-я и 3-я армии практически замкнули кольцо окружения вокруг Адрианаполя, он же турецкий Эдирне, он же болгарский Олдрин. И было понятно, что османская группировка войск не сможет долго обороняться в городе, где полно местных жителей, не так уж и много ресурсов, а перспектив деблокады нет в принципе. Чуть легче было турецкой дивизии, которую 4-я болгарская армия прижала к побережью Саросского залива Средиземноморья, ведь у тех хотя бы был шанс полу-

читать помощь по морю. Впрочем, никто им такой помощи не обещал, да и предоставить реально не мог.

Русские же 6-я и 14-я армии вовсе не стремились устраивать котлы и прочие емкости, мерно и методично продвигаясь к побережью Мраморного моря. Собственно, полпути до Родосто (он же османский Текир-даг) 6-я уже прошла, но уперлась в укрепления, которые прикрывали Проливы со стороны Европы. Пришлось ждать подхода крупнокалиберной артиллерии и вызывать бомбардировщики.

Наша 14-я же армия продолжала успешное наступление, используя колоссальное преимущество перед турками в вооружении и маневренности, поскольку половина армии состояла из подвижных бригад, укомплектованных, в свою очередь, высококомобильными батальонными группами, имевшими на вооружении и в оснащении все средства, которые удалось собрать за пару месяцев подготовки. Тут были и мотоциклетные пулеметные роты разведчиков, и эскадроны тачанок (при двух пулеметах на экипаж – станковый «Максим» и ручной «Мадсен»), и батальоны самокатчиков на велосипедах, поддерживающих бронедивизионы пушечных и пулеметных броневинов. Было и многое другое. И конечно же, старая добрая кавалерия. Но, в отличие от группировки Каледина, конная армия которого шла лавой вдоль черноморского побережья, не размениваясь на подавление очагов сопротивления, задачей 14-й армии было всемерное подавление любого сопротивления посредством внезапных

ударов подвижных батальонных групп. А главной задачей – полный разгром и уничтожение спешащей на помощь своим 5-й армии османов во главе с Энвер-пашой.

Фактически это была войсковая операция, призванная именно уничтожить максимальное количество живой силы противника, поскольку возиться с пленными у батальонных групп не было никакой возможности. Да и цели им такие никто не ставил. Мне турки были не нужны на этой земле, но нисколько не собираюсь оправдываться, мирное население мы, в отличие от турок, не вырезали. Впрочем, особо специально и не щадили, если османы начинали вести оборону какого-нибудь населенного пункта. Тут уж кому прилетело, тому и прилетело. Гуманизма на войне в этом времени еще не проповедовали.

Так что нет ничего удивительного, что начался массовый исход мусульманского населения из Восточной Фракии в сторону Константинополя. Впрочем, мы и не удивлялись, поскольку это явление было частью плана операции и имело двойную цель – очистку территории под будущее заселение оставшимися после демобилизации русскими солдатами, а также запруживание толпами беженцев всех дорог и прочих коммуникаций Османской империи, которое должно было парализовать вообще всякую переброску войск, которая и так была сильно затруднена неразвитостью железнодорожной сети и полным отсутствием угля. Нет, понятно, что паровоз может ехать на любом топливе, практически на всем, что

только горит. Но попробуйте, к примеру, поехать, используя кизяк в качестве топлива. Ведь Малая Азия – это вовсе не средняя полоса России, и с дровами тут совсем негусто. Вот и приходилось османским войскам, равно как и беженцам, использовать гужевой транспорт всех причудливых видов, либо, что чаще всего, рассчитывать исключительно на свои ноги.

Нужно ли говорить, что мобильные группы русской армии били их, когда хотели, куда хотели и как хотели. Во многом эта ситуация мне напоминала катастрофу лета 1941 года, когда наша армия хаотически откатывалась вглубь страны, огрызаясь отдельными сражениями и подвигами личного героизма, а дороги были точно так же набиты перепуганными беженцами, которых расстреливали с воздуха немецкие самолеты.

Мы беженцев с воздуха не расстреливали. Правда, отнюдь не по причине какого-то возвышенного гуманизма. Просто прозаически у нас не было столько аэропланов, чтобы отвлекать их на такие ничтожные с военной точки зрения задачи. Но, согласитесь, мы же не использовали химическое оружие в этой операции? А ведь у русской армии его было предостаточно! И не было у турок средств защиты от него!

Так что, в отличие от немцев, гуманизмом мы все же страдали.

Впрочем, не стану лукавить, случаев, когда мобильные группы обстреливали колонны с земли, было достаточно.

Никто не собирался отделять зерна от плевел, а османских военных в колоннах от мирных беженцев.

Ну, а тех, кто оставался на месте, тут же брали в оборот две бригады внутренней стражи. Операцию по очистке тыла от враждебных элементов никто не отменял. И загребали мои особисты круче, чем их коллеги в Галиции.

Я не херувим и не претендую.

Но и не злодей, устраивающий геноцид своих подданных.

А вот конная армия Каледина уже оставила позади себя Мидию и была всего в одном переходе от укреплений Константинополя, которые сегодня с самого утра методично обстреливала артиллерия Черноморского флота. Благо сопротивление последней османской батареи на азиатском берегу Босфора удалось-таки подавить, и с рассвета на берег начала высадку Черноморская морская дивизия генерала Свечина.

Ну а после подавления последней батареи уже никто не мешал начать очистку акватории Проливов от минных и бонных заграждений, которые препятствовали проходу крупных кораблей русского флота.

Сопrotивлялись ли турки? Да, эти два дня были полны всего – и трусости, и желания продать отчизну за тридцать сребреников, но были и полны случаев отваги, личного героизма и мудрости старших османских офицеров. Но слишком уж были несопоставимы силы и оснащение, да и моральный дух играл огромную роль. Плюс вооружение и техническое оснащение. Поэтому у турок не было ни одного шанса, и они

это понимали.

Тут в дверь кабинета постучали.

– Войдите!

– Ваше императорское величество! Лейб-гвардии ее императорского величества парижского полка полковник Романова. Представляюсь по поводу прибытия для дальнейшего прохождения службы!

О-пу-петь.

Сохраняя невозмутимое выражение лица, встаю и надеваю на голову фуражку, которая лежала рядом на тумбочке. Отдав честь, говорю:

– Вольно. Добро пожаловать, полковник Романова. Прошу садиться.

– Благодарю вас, ваше императорское величество.

Снятие головного убора, грациозное присаживание на краешек кресла, заученное движение шашкой в ножнах.

– Итак?

– Как я выгляжу?

Отвечаю честно:

– В жизни не видел более очаровательного полковника. Но позволь спросить, чем вызван подобный смотр?

Маша и вправду была при полном параде. Полная женская форма полковника русской армии, юбка в пол, шашка на боку. Добавим к этому красную ленту ордена Святой Екатерины и Бриллиантовую звезду вместе с остальными орденами, полагающимися ей по статусу и титулу, и мы получим про-

сто изумительное зрелище, которое несколько контрастировало с аскетизмом штаба.

Императрица усмехнулась.

– Я знаю, что тут весь этот парад выглядит несколько вызывающе. Но я не покрасоваться перед твоими офицерами пришла. Я хочу услышать твое мнение. У меня есть идея устроить некую встречу, возможно, смотр или просто чаепитие со всеми женщинами, которые участвовали в этой турецкой кампании или во взятии Константинополя. Причем не только военных, но и сестер милосердия, и всех, кто участвовал в проведении этой операции. Будет ли такая встреча уместной?

– Хм...

Я зашагал по кабинету, время от времени бросая задумчивые взгляды на жену. Наконец я ответил:

– Сама идея мне, безусловно, нравится. Также нравится идея о том, чтобы при въезде в Царьград на тебе был этот мундир. Это будет правильно. Ты не на бал прибыла. Ты их будущая императрица, императрица империи, чья армия только что заняла город и разгромила Османскую империю. Идея встречи с женщинами тоже очень правильная и своевременная. Надо будет обсудить сие с Суворовым и Брусиловым. Да и Гурко с Юденичем подключить. Что касается, так сказать, формата встречи, то тут я не готов ответить. Возможно, при полном параде тебе нужно быть на церемонии награждения. Быть может, даже стоит подумать об учрежде-

нии особого знака для женщин, которым будут отмечены все участницы этой кампании. Причем от твоего имени. Что же до чаепития, то тут уж смотри сама. Вряд ли все твои ордена и регалии будут там уместны, ведь это не прием и не бал.

– Это-то я понимаю, ведь любой их Георгиевский солдатский крест куда более весом и заслужен, чем все мои ордена, которые мне выдали после коронавания.

Меня тут же озаряет идея:

– А может, всем пошить платья? Ну, вернуться на вечер в мирную жизнь, и все такое?

Маша грустно усмехнулась.

– Дорогой муж. Я понимаю, что ты, как и все мужчины, смотришь на такие вещи довольно упрощенно. Но я тебе хочу сказать, что худшего наказания ты бы им не смог найти, чем возможность вернуться на вечер в мирную жизнь. Ты только представь себе, что они только что с полей войны. Там не было модных салонов, парикмахеров, портных и прочего. И вдруг на бал! А наряды? А прически? А все остальное? А если начнется, а она обязательно начнется, ревность по поводу того, у кого лучше наряд или прическа? Даже если все и будет за казенный счет. Ты пойми, все они были вырваны из привычного мира и прошли весь путь войны, уделяя себе лишь минимум времени и внимания. И тут вдруг все сразу и со страшной силой! Нет-нет, если уж и говорить о чем-то подобном, то уж лучше выдать им к балу парадные мундиры. По крайней мере, все будут равны, и все будут в привычном

им сейчас окружении.

– А что? Мне нравится идея! Военный бал в честь взятия Константинополя! Только придется нашим барышням помнить, что мужчин-офицеров на балу будет куда больше.

Девушка пожала плечами.

– Уж танцы до упаду они точно переживут. Зато будет что вспомнить. Будут внукам рассказывать про императорский бал в Царьграде!

Глава IV

Кровь, стрельба и горы золота

Франция. Орлеан. Здание Русской миссии.

8 (21) августа 1917 года

– Так куда же делись 60 000 пудов золота? Удалось что-то прояснить?

Генерал свиты граф Павел Игнатьев хмуро пожал плечами.

– Увы, Александр Петрович, но пока ничем особым порадовать не могу. Розыск и следствие ведутся. И французскими официальными и неофициальными органами, и британцами, и итальянцами, и испанцами, и, само собой разумеется, ведется и нами. Причем все силы русской разведки сосредоточены сейчас на двух основных вещах. Во-первых, на расследовании роли Дома Ротшильдов в событиях в России, включая попытки переворота и взрыв на Красной площади, а также покушение на принцессу Иоланду в Таранто. Ясно, что государь не оставит это дело и не оставит покушение на ее величество так или иначе без последствий. Ну, и второй вопрос – это именно розыск этих самых 60 000 пудов золота и расследование всего того, что с этим делом связано. Отвечая на ваш вопрос, Александр Петрович, могу сказать следующее.

Шеф русской военной разведки во Франции достал из

кармана блокнот и, перелистнув несколько страниц, нашел требуемое.

– Итак, следствием установлено. Первое. Действительно, основные запасы Банка Франции с началом войны и угрозой потери Парижа были эвакуированы в Бордо. Установлено, что в хранилища были помещены тысяча двести тонн золота, на сумму четыре миллиарда еще тех, полновесных франков, или, если угодно, на сумму восемь миллиардов нынешних золотых рублей. После того как по Франции прокатились революционные волнения, Бордо оказался в руках так называемых революционных властей Окситании, которые, в свою очередь, при наступлении сил Белой коалиции на эти псевдореспублики попытались эвакуировать эти запасы «в интересах мировой революции». Золотой запас был разделен на несколько партий и был отправлен в разные места автомобильным и железнодорожным транспортом. Как вы знаете, Александр Петрович, один из таких золотых караванов был перехвачен нами.

Мостовский кивнул. Благодаря именно этому обстоятельству государь пожаловал братьям Игнатьевым генеральские чины с зачислением в свиту, а также наградил их орденами Святого Владимира второй степени. Тридцать тонн неучтенного золота тут же образовали дополнительный тайный фонд русской миссии во Франции. Четыре миллиона двести тысяч британских фунтов или двести миллионов русских золотых рублей по текущему курсу. Деньги, из которых финансиро-

вались и расширялись агентурные сети, на которые неофициально покупались промышленные и технологические секреты, чертежи, вербовались агенты влияния в самых высших кругах нынешних властей, покупались газеты и оплачивались заказные статьи в прессе. Из этих же средств выплачивались дорожные деньги всем тем инженерам, врачам, техникам, мастерам, ученым и прочим лицам, которые вербовались по всей стране по указанию государя. Разумеется, основные деньги, включая подъемные, они получают уже в России, но для многих и сам переезд был непосильной задачей. Франк стремительно обесценивался, а жизнь в охваченной хаосом стране все так же стремительно дорожала.

Что ж, этот фактор, в свою очередь, удешевлял для русской миссии и цену покупки, то есть сумму, за которую нужные империи специалисты соглашались все бросить и уехать в Россию. Впрочем, большинство даже уговаривать не приходилось, поскольку желающих покинуть охваченную смутой, войной и гиперинфляцией Францию, половина территории которой находится под немецкой и союзной оккупацией, и переждать смутные времена в стабильной России было предостаточно.

Имперский комиссар усмехнулся про себя. Да, большинство из них полагает, что они уезжают лишь временно, всего-то на три-пять лет, а затем, мол, тут все как-то устаканится, и они смогут вернуться к привычной жизни. Наивные люди. Вряд ли послевоенная Франция быстро вернется к про-

цветанию. Еще долго эта страна будет оставаться в полном упадке и разорении. Даже если Германия проиграет войну и будет выплачивать репарации. Никаких репараций не хватит на то, чтобы в ближайшие лет десять-пятнадцать Франция хотя бы вышла на довоенный уровень. Тем более если золото Банка Франции так и не будет найдено.

Страна-банкрот.

А если еще и не будет германских и австро-венгерских репараций, то... То побегут из Франции все, как крысы с тонущего корабля. Кто в США, а кто и в Россию. Нет, всяких крестьян, пролетариев и прочих мелких лавочников нам не надо, своих девать некуда, но вот специалисты России очень нужны. Остальные пусть пытаются счастья в Америке. Вот для того, чтобы нужные люди ехали именно в Российскую империю, и рыскали в поте чела сотрудники Русской миссии, и работала русская военная разведка.

И люди уезжали. Сотнями и тысячами. Не только специалисты, но и предприниматели. Даже мсье Рено, съездив в Россию «на смотрины» и заключив крупный договор с Министерством вооружений на производство своего танка, вернувшись, заявил о том, что намерен просить русского подданства и перебираться в империю, перенося туда все свои основные активы и производства. И в этом движении мсье Рено был отнюдь не одинок, поскольку для многих деловых людей мрачные перспективы Франции были вполне понятны, и нужно было срочно искать, как выражается наш го-

сударь, запасной аэродром. Тем более что перспективность рынка России становилась все более очевидной, а сражаться в США за место под солнцем им будет намного труднее. И, в отличие от своих итальянских коллег, которые просто вкладывали в Российскую империю деньги и технологии, спеша там застолбить себе место, французы в большинстве своем решали перебираться в Россию либо надолго, либо насовсем.

Разумеется, про переманивание граждан было прекрасно известно французским властям, но, во-первых, им было не до того, во-вторых, с русскими сейчас ссориться было не с руки, а в-третьих, а что можно было с этим сделать? Все официально и законно, люди едут добровольно. Более того, это было частью условий помощи со стороны России и условий самого признания Москвой генерала Петена в качестве официальной власти Франции. В конце концов, без поддержки Российской империи Петен был лишь одним из полевых командиров, которого к тому же парламент Франции и правительство Бриана объявили мятежником и изменником. И именно благодаря России сначала Рим, потом Лондон, а затем уж и все остальные признали Петена правителем Французского государства.

Так что во временной столице Франции городе Орлеане смотрели на переманивание граждан и прочие шалости Русской миссии пусть без одобрения, но более-менее молча.

Разумеется, долго эта идиллия не продлится, и как только Петен укрепит свою власть, а на французский трон взой-

дет герцог де Гиз под именем Иоанна III, русской вольнице в стране крылья пообрежут. Тем более что подготовка к коронации шла самым спешным образом.

Поэтому спешили и русские.

Граф Игнатьев меж тем продолжал свой доклад всевластному личному представителю императора Всероссийского.

– По имеющимся у нас данным, французам все же удалось разыскать и перехватить порядка двухсот тонн золота, которые были возвращены в хранилища Банка Франции.

– Включая те тридцать тонн, которые генерал Лохвицкий умудрился честно передать французам?

Граф кивнул.

– Точно так, включая и это.

Мостовский недобро нахмурился. Он до сих пор с содроганием вспоминал ту ледяную выволочку, которую имперскому комиссару пришлось пережить по этому случаю. Государь был очень зол, если не сказать больше. Еще бы! Еще двести миллионов золотых рублей прекрасногодились бы для русской миссии, да и ослабление Франции было на руку России. А тут такой конфуз!

Нет, официально Лохвицкого похвалили, а генерал Петен даже наградил генерала орденом Почетного Легиона, но неофициально Мостовский категорически не завидовал участи проштрафившегося Лохвицкого, которого сразу после награждения срочно отозвали в Москву. Лет двадцать в должности генерал-губернатора Чукотки будет для него

очень счастливым итогом ошибки. И уроком от глупости для всех остальных.

Таких шуток государь император не любил и не понимал.

А вот к графу Игнатьеву, который, перехватив свой золотой караван, тут же приказал расстрелять всех, кто сопровождал груз, и молча перепрятал золото в укромные места, а не передал законному владельцу, Михаил Второй явно благоволит. Впрочем, как и ко всем им, включая зауряд-прапорщика Степана Урядного. Ведь ко всему, что случилось с Францией, они тоже приложили свою руку. Хотя Мостовский вовсе не переоценивал их роль в происходящем. За всем стояли силы, куда более могущественные, чем Русская миссия и разведка.

– Второе. В настоящий момент не представляется возможным установить точное местонахождение порядка тысячи тонн золота. Вполне возможно, что какое-то количество золота попало в руки британских, итальянских или испанских поисковых групп, но вряд ли речь идет о каких-то значительных количествах. Смею предположить, что общий тоннаж перехваченного поисковыми группами не может превышать суммарное количество в сто тонн, иначе мы бы отследили такие операции. Впрочем, отследили бы и французы, и вопрос уже бы всплыл на межгосударственном уровне.

Имперский комиссар кивнул:

– Согласен с вами, Павел Алексеевич. Французы бы не промолчали. Тут вопрос жизни и смерти, вопрос банкрот-

ства государства.

– Точно так, Александр Петрович. Теперь, собственно, о результатах расследования. Нами собраны свидетельства о том, как формировались эти золотые караваны и золотые эшелоны. Установлено, что ящиков погружено и отправлено почти в три раза больше, чем в реальности имелось золота в хранилищах.

– Может, ящики были лишь на треть заполнены?

– Этого исключать невозможно. Однако, Александр Петрович, я хотел бы обратить ваше внимание на то, что и в случае с перехваченным нами караваном, и в случае с караваном Лохвицкого все ящики были полны. Поэтому я скорее бы предположил, что имела место операция прикрытия, призванная запутать преследователей. Посему, даже имея свидетельства о погрузке или разгрузке похожих ящиков в тех или иных местах, мы не можем быть уверенными в том, что имела место операция именно с золотом, а не с ящиками, схожими по виду и весу.

– Согласен с вашими выводами, хотя и нельзя исключать того, что не во всех караванах ящики были полными. Впрочем, продолжайте.

– Благодарю. Итак, установлено несколько фактов, которые говорят о том, что значительная часть золота все же покинула Францию. Одновременно с отправкой золотых эшелонов и золотых караванов из Бордо вышли как минимум семь транспортов, которые взяли курс в открытый океан. По

некоторым сведениям, на эти суда также грузились ящики. Установлено также, что два золотых эшелона добрались до Ла-Рошели, и эти ящики также были погружены на транспорт «Морская звезда». И вот тут самое интересное, Александр Петрович! По свидетельству очевидцев, данное судно было затоплено на глубине порядка пятидесяти метров в виду порта.

– То есть демонстративно?

– Именно так. Смею предположить, что речь идет о попытке отвлечь внимание от истинного местонахождения искомого золота. Впрочем, если все же предположить, что в тех ящиках действительно были слитки, а коммунары все же рассчитывали судно когда-либо поднять, или же «Морская звезда» затонула по иным причинам, то в виду Ла-Рошели сейчас может находиться порядка двухсот-трехсот тонн золота.

Мостовский усмехнулся.

– Да, интересный момент ценой в сорок два миллиона фунтов стерлингов. Все, конечно же, будут уверены, что там ничего нет, но все будут хотеть в этом удостовериться. Слишком уж куш велик.

– Точно так, Александр Петрович. Точно так. И в первую очередь кто этим займется, будет генерал Петен. Хотя поднять это добро будет непросто, я уверен, что поднимать будут до тех пор, пока не проверят все ящики до последнего. Долго и увлекательно. А все остальные будут за их дей-

ствиями внимательно следить. Впрочем, я не удивлюсь тому, что даже если не найдут там ничего, кроме свинца, всему миру будет объявлено об успехе, потому как даже иллюзорное золото, которое якобы имеется в хранилищах, серьезно уменьшает риски банкротства государства. Хотя, разумеется, от финансовой катастрофы эта иллюзия не спасет. Что касается остального золота, то смею предположить, что оно уже покинуло Старый Свет и отправилось за океан. Если в Европе и остались какие-то тайники, то вряд ли речь идет о большом тоннаже оных тайников. Хотя, разумеется, искать их будут очень усердно.

– Да уж, новые графы Монте-Кристо будут искать свои сундуки с сокровищами. Литераторам можно новый авантюрный роман сочинять. Впрочем, отбросив лирику, какие выводы у следствия относительно этого дела?

– Выводы такие. Мы стали свидетелями грандиозной мистификации.

– Вот как? – Мостовский удовлетворенно кивнул, отметив про себя, что выводы Игнатьева в целом совпадают с мнением государя императора по данному делу. – На чем основано ваше утверждение? Благоволите пояснить.

– Охотно. Осуществить такого масштаба операцию разрозненными недисциплинированными отрядами инсургентов банально невозможно. Союзники перехватили бы если бы не все золото, то весьма значительную его часть. Намного большую, чем мы имеем в реальности. Вывод: за операцией

стояли силы, куда более могущественные, чем эти горлопаны из коммуны. Я даже не исключал бы того, что сама операция по изъятию тысячи тонн золота из хранилищ Банка Франции началась еще до того, как было принято решение о перевозке золота из Парижа в Бордо. Слишком многие мелочи указывают на это.

– Ротшильды?

– Думаю, да. Они серьезные выгодоприобретатели от такой операции. К тому же они теперь могут еще и потребовать оплаты своих ценных бумаг и векселей от Банка Франции в качестве компенсации потерь.

– И где, по-вашему, сейчас золото, если принять вашу версию за основу?

– Где угодно, Александр Петрович. Но смею предположить, что где-то на пути в Латинскую Америку. В США напрямую попасть они не смогут, да и много там тех, кто пострадал от этой аферы. В том числе и тех, кто может нанести удар в ответ. А так, как говорится, золото кануло в Лету. Ищите на дне океана. Наверняка эти суда уже ждут в условленных местах. Где-то на островах или прямо в море ящики будут перегружены на другое судно или даже на несколько из них, а приметные ящики заменят на ничем не примечательные, которых в любом порту сотнями тысяч разгружается. А дальше любые порты от Огненной Земли и до Мексики. Возможно, десятки портов. А оттуда уже сотни грузовиков повезут свой золотой груз в оговоренные планом опера-

ции хранилища. Золото переплавят, убрав с него знак Банка Франции, и ничего уже доказать будет невозможно. Конечно, нельзя исключать, что произойдут какие-то случайности, грузовики с золотом будут ограблены какими-то местными бандитами или банально попадут в аварию, но шанс на это невелик. Из чего я делаю вывод, что золотой запас Франции на сумму порядка ста семидесяти миллионов фунтов стерлингов навсегда покинул эту несчастную страну, а ее правительству и Банку придется еще и рассчитаться с Ротшильдами за потери. Впрочем, не только с Ротшильдами.

– Да, красиво. Ну, кого-то по итогам войны все равно надо было ограбить, и похоже, за все заплатит Франция. Ну, или за многое. Раз уж Россию ограбить не получилось. Впрочем, есть еще и турки. А что с расследованием участия Ротшильдов в покушении на ее величество и организации Кровавой Пасхи в Москве?

– Ну, мне из Франции, конечно, трудно тягаться в этом расследовании с высочайшим следственным комитетом и имперской СБ, но кое-что установить все же удалось. Во-первых, накоплено немало прямых и косвенных данных о том, что всякого рода революционеры, которые находились во Франции и Швейцарии, получали финансовую помощь от различных структур, так или иначе аффилированных с Домом Ротшильдов. Всякого рода фондов, комитетов взаимопомощи и прочего, что призвано замаскировать истинные источники и цели движения денежных потоков. Разумеется,

жертвователями и меценатами этих фондов и комитетов были не сами структуры Ротшильдов, но по косвенным данным отследить источник возможно. И мы работаем над прямыми доказательствами. В частности, арестованный в Италии господин Савинков получил значительные средства как раз накануне его отъезда в Италию, в результате которого и была брошена бомба под ноги принцессе Иоланде.

– Да уж. Сама Богородица хранила нашу будущую императрицу. Взрыв такой силы почти наверняка убил бы ее или сделал калек, если бы не дубовая трибуна и не геройский прыжок господина Жилина, прикрывшего принцессу своим телом. То, что вы говорите о получении денег группой Савинкова, возможно доказать?

– Думаю, да. Во-первых, насколько мне сообщил князь Волконский, по результатам весьма энергичного и изысканного допроса со стороны прибывшей из Москвы следственной группы господин Савинков и его люди стали очень разговорчивыми и рассказали немало. Во-вторых, некоторые из лидеров революции, разного рода масштаба и значимости, оказались арестованными французскими властями, и многие тоже не стали сильно уж заператься, в том числе и по этой теме. Ну и в-третьих, кое-кто из тех же революционных товарищей были тайно взяты нами и помещены в различные тайные места, где они также были подвергнуты интенсивному допросу. Некоторых, кто больше не представлял интереса, пустили в расход, но некоторые все еще могут быть полез-

ны, в том числе и своими свидетельствами по делу о группе Савинкова. Впрочем, не только об этом деле. Тут другое интересно. Насколько я могу судить по косвенным признакам, наши следственные действия не прошли мимо внимания самого дома Ротшильдов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.